Российская Академия Наук
НКС ООН РАН

АРБ Ассоциация Российских Банков

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права

РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС:
УСПЕХИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Материалы «Рабочего завтрака у Тосуняна»
15 марта 2025 года

ДОКЛАДЧИКИ:

Согомонян Артур Аршамович
кандидат экономических наук,
президент, председатель совета директоров
общества с ограниченной ответственностью
«ФомЛайн»

Кувалин Дмитрий Борисович
доктор экономических наук,
заместитель директора,
заведующий лабораторией анализа
и прогнозирования микроэкономических процессов
Института народнохозяйственного прогнозирования РАН

НКС ООН РАН
Научно-консультативный совет
по правовым, психологическим
и социально-экономическим проблемам общества
Отделения общественных наук РАН

АРБ
Ассоциация российских банков

НИИ ДДиП
Национальный исследовательский институт
Доверия, Достоинства и Права

Российский бизнес: успехи и возможности

Материалы заседания 15 марта 2025 года

Под общей редакцией
академика РАН
Г.А. Тосуняна

Москва
2026

УДК [334.722:338.22](470+571)(063)
ББК 65.290(2Рос)-09я431
Р76

Российский бизнес: успехи и возможности: материалы заседания 15 марта 2025 года / Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук Российской академии наук ; Ассоциация российских банков ; Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права ; [под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна]. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 157 с. – ISBN 978-5-6056500-8-9

Российский бизнес, несмотря на геополитику, ужесточение денежно-кредитной политики и другие обстоятельства, довольно успешно адаптировался к новой реальности.

Что помогает противостоять кризисным явлениям? Насколько существенны меры государственной поддержки, как влияют на деятельность российских предприятий высокий уровень ключевой ставки, волатильность национальной валюты, санкции и проблемы с осуществлением трансграничных платежей, ограниченный доступ к финансированию, дефицит кадров?

В сборнике проанализированы риски, связанные с текущей экономической и политической ситуацией, а также содержатся рекомендации, направленные на улучшение инвестиционного климата в стране и стимулирование предпринимательской активности.

УДК [334.722:338.22](470+571)(063)
ББК 65.290(2Рос)-09я431

Охраняется в соответствии с международным правом и российским законодательством об авторском праве.

ISBN 978-5-6056500-8-9 © Тосунян Г.А., составление, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Состав Научно-консультативного совета по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества (НКС ППСЭПО) ООН РАН **5**

Справка **8**

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

***акад.* ТОСУНЯН Г.А.** **11**

ДОКЛАД 1 *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю. **20**

***д.э.н.* МЕДВЕДЕВ П.А. – *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю.** **38**

***к.э.н.* КЛЕПАЧ А.Н. – *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю.** **42**

МОСКОВКИН Л.И. – *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю. **45**

***д.э.н.* КУЛИКОВ Н.И. – *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю.** **48**

***акад.* ИВАНОВА Н.И. - *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю.** **51**

ДОКЛАД 2 *к.э.н.* СОГОМОНЯН А.А. **53**

***д.э.н.* КАЛАШНИКОВ С.В. – *к.э.н.* СОГОМОНЯН А.А., *к.ю.н.* ЛИСИЦЫН А.Ю.** **70**

***д.э.н.* КУВАЛИН Д.Б. – *к.э.н.* СОГОМОНЯН А.А.** **74**

ЛЕБЕДЕВА М.А. – *к.э.н.* СОГОМОНЯН А.А. **78**

***д.э.н.* ВАНЧИКОВА Е.Н. – *к.э.н.* СОГОМОНЯН А.А.** **80**

ДОКЛАД 3 *д.э.н.* КУВАЛИН Д.Б. **84**

***д.э.н.* МЕДВЕДЕВ П.А. – *д.э.н.* КУВАЛИН Д.Б.** **104**

МОСКОВКИН Л.И. **108**

***акад.* ИВАНОВА Н.И. – *д.э.н.* КУВАЛИН Д.Б.** **110**

***д.э.н.* КУЛИКОВ Н.И. – *д.э.н.* КУВАЛИН Д.Б.** **113**

д.э.н. **КУИМОВ В.В.** **118**

д.т.н. **СЕНАТОРОВ М.Ю.** **122**

д.э.н. **МЕДВЕДЕВ П.А.** **125**

акад. **НИГМАТУЛИН Р.И.** **127**

МОСКОВКИН Л.И. **130**

СМОЛИН В.С. **131**

ЦЫКОРИН Н.Н. **134**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

акад. **ТОСУНЯН Г.А.** **137**

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП и «Открытых дискуссий» президента АРБ **149**

СОСТАВ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПО ПРАВОВЫМ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ ОБЩЕСТВА (НКС ППСЭПО) ООН РАН

СОПРЕДСЕДАТЕЛИ:

ГУСЕЙНОВ АБДУСАЛАМ АБДУЛКЕРИМОВИЧ	академик, д. филос. н., научный руководитель Института философии РАН
КОКОШИН АНДРЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ	академик, д. и. н., директор Центра перспективных исследований национальной безопасности России Экспертного института НИУ ВШЭ
ТОСУНЯН ГАРЕГИН АШОТОВИЧ	академик, д. ю. н., президент Ассоциации российских банков

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

РЕДЬКО НИКОЛАЙ ВИТАЛЬЕВИЧ	к. э. н., эксперт Национального исследовательского института Доверия, Достоинства и Права

ЧЛЕНЫ НАУЧНОГО СОВЕТА:

АВЕТИСЯН АРУТЮН ИШХАНОВИЧ	академик, д. ф.-м. н., директор Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН
АГАНБЕГЯН АБЕЛ ГЕЗЕВИЧ	академик, д. э. н., профессор
АПОЛИХИН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ	чл.-корр., д. м. н., директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н.А. Лопаткина (филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России)
АУЗАН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ	д. э. н., декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
БАТУРИН ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ	чл.-корр., д. ю. н., главный научный сотрудник отдела методологических и междисциплинарных проблем развития науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
БУЗНИК ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ	академик, д. х. н., заместитель академика-секретаря ОХНМ РАН, начальник лаборатории Всероссийского НИИ авиационных материалов
ГРАЧЕВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА	д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина» (МГЮА)
ГРИНБЕРГ РУСЛАН СЕМЕНОВИЧ	чл.-корр., д. э. н., научный руководитель Института экономики РАН
ДАНИЛОВ-ДАНИЛЬЯН АНТОН ВИКТОРОВИЧ	к. э. н., заместитель председателя Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

ЕРМАКОВА ЖАННА АНАТОЛЬЕВНА	чл.-корр., д. э. н., профессор, заведующий кафедрой банковского дела и страхования ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
ЖУРАВЛЕВ АНАТОЛИЙ ЛАКТИОНОВИЧ	академик, д. п. н., научный руководитель Института психологии РАН
ИВАНОВ ВИЛЕН НИКОЛАЕВИЧ	чл.-корр., д. филос. н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
ИЛЬИН ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ	чл.-корр., д. э. н., профессор, научный руководитель Вологодского научного центра РАН
КАСАВИН ИЛЬЯ ТЕОДОРОВИЧ	чл.-корр., д. филос. н., руководитель сектора социальной эпистемологии Института философии РАН
КЛЕПАЧ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИНП РАН, заведующий кафедрой макроэкономической политики и стратегического управления МГУ им. М.В.Ломоносова
ЛЕКТОРСКИЙ ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ	академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН
МЕДВЕДЕВ ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ	д. э. н., профессор
МИРКИН ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ	д. э. н., профессор
НЕСТИК ТИМОФЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	д. п. н., профессор РАН, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии Института психологии РАН
НИГМАТУЛИН РОБЕРТ ИСКАНДРОВИЧ	академик, д. ф.-м. н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН
ПЕТРЕНКО ВИКТОР ФЕДОРОВИЧ	чл.-корр., д. п. н., заведующий лабораторией психологии общения факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова
ПОГОСЯН ГЕВОРК АРАМОВИЧ	академик Национальной академии наук Армении (НАН РА), иностранный член РАН, д. социол. н., научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА
САВЕНКОВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ	академик, д. ю. н., директор Института государства и права РАН
САННИКОВА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА	д. ю. н., профессор РАН, руководитель Центра правовых исследований цифровых технологий Государственного академического университета гуманитарных наук

САРКИСЯН ТИГРАН СУРЕНОВИЧ	к. э. н., заместитель председателя правления Евразийского банка развития
СМИРНОВ АНДРЕЙ ВАДИМОВИЧ	академик, д. филос. н., главный научный сотрудник Института философии РАН
СОЛОДКОВ ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ	к. э. н., директор Банковского института НИУ ВШЭ
ТЕДЕЕВ АСТАМУР АНАТОЛЬЕВИЧ	д. ю. н., профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова
ТОРШИН АЛЕКСАНДР ПОРФИРЬЕВИЧ	к. ю. н., действительный государственный советник РФ I класса
ТОЩЕНКО ЖАН ТЕРЕНТЬЕВИЧ	чл.-корр., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН
УГРЮМОВ МИХАИЛ ВЕНИАМИНОВИЧ	академик, д. б. н., заведующий лабораторией нервных и нейроэндокринных регуляций Института биологического развития им. Н.К. Кольцова РАН
УШАКОВ ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ	академик, д. п. н., директор Института психологии РАН
ХАБРИЕВА ТАЛИЯ ЯРУЛЛОВНА	академик, д. ю. н., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве России
ЧЕРЕШНЕВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ	академик, д. м. н., научный руководитель Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН
ЧЕРНЫШ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ	чл.-корр., д. социол. н., научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
ЧЕХОНИН ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ	академик, д. м. н., вице-президент РАН, заведующий кафедрой медицинских нанотехнологий медико-биологического факультета Российского государственного медицинского университета им. Н.И. Пирогова
ШАБУНОВА АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВНА	д. э. н., директор Вологодского научного центра РАН
ЭКМАЛЯН АШОТ МАМИКОНОВИЧ	д. филос. н., профессор
ЮРЕВИЧ АНДРЕЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ	чл.-корр., д. п. н., заместитель директора по научной работе Института психологии РАН

СПРАВКА

о **НКС ООН РАН** (Научно-консультативном совете по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества Отделения общественных наук),
о **НИИ ДДиП** (Национальном исследовательском институте Доверия, Достоинства и Права),
о **«Рабочем завтраке у Тосуняна»**,
о проекте **«Открытые дискуссии президента АРБ»**
и об этом издании

1. НКС ООН РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы.

Заседания Совета проводились в Отделении общественных наук РАН два раза в год.

В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: «В каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?»

И в сентябре 2021 года постановлением Президиума РАН Совет был преобразован в Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества ООН РАН.

Сопредседателями Совета стали академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

2. С середины 90-х годов по субботам раз в две-три недели в Ассоциации российских банков проходят «Рабочие завтраки у Тосуняна», в которых принимали и принимают участие банкиры, представители ЦБ, Госдумы, Совета Федерации, различных ведомств, академической науки, вузов, эксперты по финансово-банковскому профилю.

Каждый «Рабочий завтрак у Тосуняна» (далее – «Рабочий завтрак») проходит по заранее согласованной повестке дня и с заявленными докладчиками.

На них до недавнего времени обсуждались преимущественно проблемы экономики, финансовой сферы, нормативно-правовые акты, регулирующие эту сферу. Но в ряде случаев и другие вопросы развития общества.

В последние годы спектр вопросов, рассматриваемых на «Рабочих завтраках», и круг экспертов заметно расширились.

Этому во многом способствовало участие в них известных ученых.

Характерной особенностью «Рабочих завтраков» было и остается то, что они проходят с завидной регулярностью по субботам в 9.00 утра и зимой, и летом, и даже 31 декабря. Их продолжительность примерно 3–4 часа.

3. В конце 2019 года был учрежден Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права (НИИ ДДиП).

Это частный институт, целью которого, если вкратце, является многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение ответственности и чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия и достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.

Иначе говоря, институт пригласил на общественных началах работать на его площадке всех, кто желает внести свою лепту в изменение траектории движения общества «войны всех против всех» в сторону общества «доверия, достоинства и уважения друг к другу»!

4. В конце марта 2020 года был объявлен локдаун.

Встал вопрос: заморозить на какое-то время работу НКС ООН, НИИ ДДиП, АРБ и «Рабочие завтраки у Тосуняна»?

Или искать какое-то другое решение?

Тогда же возникла идея, что заседания НКС ООН, НИИ ДДиП и «Рабочие завтраки» можно объединить, используя онлайн-формат.

Проанализировав практику последних лет, мы с коллегами пришли к выводу, что довольно часто и на заседаниях НКС, и на «Рабочих завтраках», и на заседаниях Института мы поднимаем и обсуждаем схожие вопросы.

Было принято решение начать проводить совместные заседания.

За прошедшее с апреля 2020 года время было проведено **158** «Рабочих завтраков у Тосуняна», большинство из которых прошло в очно-заочной форме.

Примерно 20 человек лично присутствовали на завтраках, а остальные, от 50 до 100 и более участников, принимали участие в

режиме Zoom, видя, слыша «живых» участников и докладчиков, также присоединялись к дискуссии.

В последующем по видеозаписи каждое заседание стенографировалось с тем, чтобы можно было издать материалы этих дискуссий.

В настоящее время накопился огромный объем материалов для публикаций, и мы начали их издание в виде представленных вашему вниманию сборников.

5. С 2013 года Ассоциация российских банков ведет проект «Открытые дискуссии президента АРБ».

Проект направлен на обсуждение широкого круга экономических, правовых, философских, социально-психологических и других актуальных проблем развития нашего общества и на развитие культуры дискуссии в целом. Спикерами «Открытых дискуссий президента АРБ» (далее – «Открытые дискуссии») выступают известные ученые, общественные деятели и представители бизнеса.

Вузами-партнерами проекта являются более 90 российских вузов, расположенных на территории всей России – от Владивостока до Калининграда.

Как правило, в каждой «Открытой дискуссии» дистанционно участвуют от 40 до 90 вузов. Численность интернет-аудитории в среднем составляет около 2 тыс. человек.

Последние два года «Открытые дискуссии» проводятся ежемесячно.

За 13 лет состоялось **96** дискуссий.

С информацией о прошедших дискуссиях, презентационными материалами спикеров и видеозаписями можно ознакомиться на сайте arb.ru в разделе «Открытые дискуссии».

Г.А. ТОСУНЯН, академик РАН,
президент Ассоциации российских банков

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Доброе утро, коллеги!

Приветствую вас на совместном заседании Научно-консультативного совета Отделения общественных наук РАН по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества и Института доверия, достоинства и права, которое проходит традиционно при поддержке Ассоциации российских банков.

Для участия зарегистрировались 42 представителя науки и вузов, 12 членов Академии наук, банкиры, государственные и общественные деятели и эксперты. Всего более 140 человек.

Тему сегодняшнего заседания в повестке дня мы сформулировали так: «Российский бизнес: успехи и возможности».

Мы хотим поговорить не только о проблемах, но и о тех достижениях и возможностях, которые есть.

Наш бизнес в этих сложных условиях активно работает, несмотря на геополитику, санкции, ужесточение денежно-кредитной политики и другие обстоятельства, о которых мы сегодня поговорим.

Многим компаниям удается противостоять кризисным явлениям и даже расширять деятельность и показывать прибыль.

Лучше всего это получается у организаций, которые связаны с «оборонкой» либо с рынками, откуда ушли иностранные конкуренты. Там наблюдается некий бум, хотя конкуренция, конечно, существенно ниже, чем когда ведущие компании были на нашем рынке.

В остальном – тенденции не столь позитивные, как на этих двух сегментах.

Впервые налоговые сборы от прибыли компаний оказались меньше налоговых поступлений от доходов физических лиц. По статистике Федеральной налоговой службы, в 2024 году они составили 8,4 трлн рублей, поступления от налогов на прибыль организаций – 8,1 трлн рублей.

В 2024 году российский бизнес показал снижение прибыльности. Прибыль компаний, сработавших «в плюс», сократилась на 0,8%, это не самый лучший показатель.

Убытки компаний, сработавших, наоборот, «в минус», выросли на 37,7%.

Очевидно, что бизнес испытывает множество проблем. Болевые точки в первую очередь и хотелось бы обсудить.

Первое, что мы хотели бы отметить, это рекордно высокий уровень ключевой ставки.

Текущий период ужесточения монетарной политики – наиболее продолжительный в современной российской истории.

Напомню, что цикл повышения ставки начался летом 2023 года.

С тех пор с каждым заседанием Совета директоров Банка России ставка или повышается, или сохраняется на прежнем уровне

Наша страна по итогам прошлого года заняла первое место в мире по величине «реальной процентной ставки», которая рассчитывается как разница между ключевой ставкой и официальной инфляцией.

Это значение достигло у нас 11,5%.

В феврале Банк России сохранил ставку на уровне 21%. Высокая ставка крайне негативно влияет на инвестиционную активность.

Очевидно, этого следовало ожидать.

Бизнес перестает развиваться, экономика замедляется.

Это связано со сложностью и дороговизной привлечения заемного финансирования, со снижением привлекательности инвестиций в сравнении с доходностью банковских депозитов.

Не имеет смысла рисковать, когда можно заработать на банковских депозитах.

Средства юридических лиц в банках приросли за прошлый год на 12%, до 61 трлн рублей.

Это хорошо, что они аккумулировались в наших банках, и не в иностранной валюте, и не за рубежом.

Тем не менее для экономики этого недостаточно.

По результатам опроса РБК, в текущем году 55% компаний снизят объем инвестиций в бизнес либо оставят его на том же уровне.

Это яркий показатель настроений в бизнес-среде.

Еще одна болевая, проблемная точка – неустойчивость национальной валюты.

Курс рубля – важнейший фактор экономического роста и притока инвестиций. И для бизнеса, и для самих банков резкие скачки курса – серьезная проблема.

Очевидно, что многие ограничения нашей экономики напрямую связаны с чрезмерной волатильностью рубля, хотя многие бизнесмены нашли решение, перекладывая эту валютную составляющую цены на потребителя.

Конечно, всегда страдает потребитель.

Смею утверждать, что высокая волатильность рубля – один из основных драйверов инфляции.

Волатильность негативно влияет на поведение всех экономических субъектов: инвесторов, заемщиков, тех же продавцов, которые закладывают в цены не самые позитивные свои ожидания, повышая ее больше, чем имеет смысл.

Это психологические факторы инфляционных ожиданий, неопределенности.

Именно эта неопределенность заставляет так вести себя участников рынка.

Не учитывать влияние психологических факторов – грубая ошибка.

За последние 10 лет диапазон колебаний официального курса находился в коридоре от 32 до 112 рублей за доллар, а если брать биржевые значения, коридор был еще больше.

Надо очень серьезно подойти к проблеме стабильности рубля, ибо это очень мощный драйвер инфляции.

Решив проблему аномальной волатильности национальной валюты, а заодно и волатильности ключевой ставки, остальные задачи экономики можно решить гораздо быстрее и эффективнее.

Еще одна болевая точка – санкции и проблемы с осуществлением трансграничных платежей.

Проблемы с платежами приводят к усложнению логистики и увеличению операционных расходов бизнеса.

ЦБ полагает, что цифровой рубль позволит улучшить ситуацию с осуществлением международных расчетов. Об этом неоднократно заявлялось, но конкретных планов так и не было обнародовано.

Недавно ЦБ отложил массовое внедрение цифрового рубля в связи с большим количеством нерешенных вопросов и неопределенностей.

Ассоциация российских банков неоднократно обращала внимание Банка России на то, что спешка в этом вопросе может иметь множество негативных последствий и для банковской системы, и для экономики в целом.

Кадровый дефицит и рост затрат на оплату труда тоже оказывают серьезное влияние на бизнес, это четвертый фактор негативного влияния. Согласно февральскому докладу Банка России «Региональная экономика: комментарии Главного управления», в начале 2025 года с кадровым голодом столкнулись 69% российских компаний.

Существенно выросли расходы на оплату труда, что связано с необходимостью для бизнеса привлекать и удерживать кадры.

Рост зарплат в 2024 году стал рекордным с кризисного 2008 года.

Номинальная зарплата в России увеличилась на 18,3%, в реальном выражении – на 9,1%.

Это цифры Росстата.

По данным сервиса поиска работы HeadHunter, средняя зарплата по всему кругу профессий увеличилась за прошедший год на 24%. Данная компания давно на рынке, ее аналитике стоит доверять, хотя, конечно, есть и официальные цифры.

На наш взгляд, это вносит существенный вклад в раскручивание инфляционной спирали.

Компании вынуждены вступать в «зарплатную гонку», переманивая друг у друга сотрудников.

Для бизнеса это большая проблема, потому что резервы не бесконечны.

Регулярное повышение заработной платы создает дополнительные издержки, тогда как динамика прибыли компаний чаще всего может не поспевать за ростом зарплат.

Можно и дальше перечислять проблемы нашего бизнеса. У каждого – свои особенности.

Единой панацеи для всех нет в силу того, что компании разные. Они разные и по масштабу, и по отраслям, они имеют свою специфику по степени влияния на них санкций и денежно-кредитной политики, они разные по многим другим параметрам.

Несколько слов о роли банковской системы в развитии бизнеса и экономики России.

Показатель активов банковской системы к ВВП по итогам прошлого года составил 99,6%. Это свидетельствует о том, что финансовые возможности банков в целом обеспечивают потребности экономики.

Предыдущий локальный максимум был в 2020 году, когда показатель вовлеченности банковского сектора в экономику находился на уровне 96,5%.

Исторически у нас значение находится в пределах 80–85%, в США – примерно 85%, в Китае – 200%.

Корпоративный кредитный портфель увеличился в течение 2024 года на 17,8%, составив на 1 января 2025 года 73,8 трлн рублей.

В нашей банковской системе есть свои особые «проблемные точки».

Концентрация основных показателей деятельности крупнейших кредитных организаций бьет рекорды и достигает сегодня максимального значения.

На 20 крупнейших банков по итогам 2024 года приходится уже 89,2% активов всей системы.

В 2023 году значение составляло 88,6%, то есть почти на 1,5% увеличилась эта доля.

На банки первой сотни приходится 98,5% активов системы.

Конкуренция в банковской системе продолжает падать. Это прямым образом отражается на реальном секторе экономики.

Если посмотреть на отдельные сегменты банковского рынка, то окажется, что доля трех крупнейших банков, например, на рынке торгового эквайринга составляет уже 81%.

Это не только дополнительные издержки бизнеса ввиду низкой конкуренции.

Такие пропорции могут повлиять и на устойчивость всей нашей экономики.

Эти и другие вопросы мы выносим на предстоящий 2 апреля съезд АРБ, тема которого – «Банковская система в условиях проинфляционных рисков и высокой ключевой ставки».

Тема важна и для банков, и для бизнеса, и для всего общества.

Наша задача – прийти к оптимальным решениям для всех заинтересованных сторон в целях устойчивого развития страны.

Поэтому мы сегодня проводим заседание с участием представителей бизнеса, чтобы всесторонне обсудить текущее положение дел в экономике.

Фактически мы проводим дополнительное заседание Научно-консультативного совета.

В некотором смысле оно инициировано в контексте подготовки к съезду АРБ.

Повестку дня я уже обозначил, у нас три содокладчика:

Лисицын Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права Высшей школы экономики, управляющий директор управления финансовой политики и финансовых рынков Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП);

акад. Тосунян Г.А.

Согомонян Артур Аршамович, кандидат экономических наук, президент, председатель совета директоров компании «ФомЛайн»;

Кувалин Дмитрий Борисович, доктор экономических наук, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования микроэкономических процессов.

Начнем наше заседание с доклада Андрея Юрьевича.

Прошу Вас.

ДОКЛАД 1

ЛИСИЦЫН А.Ю.
к. ю. н., доцент департамента публичного права НИУ «Высшая школа экономики», управляющий директор управления финансовой политики и финансовых рынков Российского союза промышленников и предпринимателей

Спасибо большое, Гарегин Ашотович.

Прежде всего разрешите поблагодарить за возможность выступить в столь представительном собрании.

Мы тоже в рамках подготовки к нашему съезду, который состоится на следующей неделе, проводим достаточно большое количество форумов.

В текущем году их было 17, в том числе традиционный Финансовый форум. В этом году он был несколько особенным.

Это связано с тем, что в конце прошлого года, после ряда встреч с руководством Банка России мы создали соответствующую рабочую группу и договорились о систематизации работы по оценке влияния денежно-кредитной политики (ДКП) на бизнес.

Сначала она имела название «Рабочая группа РСПП и Банка России по оценке влияния ДКП на бизнес». Сейчас мы трансформировали это название – «Рабочая группа РСПП и Банка России по обеспечению финансовой устойчивости бизнеса в текущих макроэкономических условиях».

Возглавляет эту рабочую группу со стороны Банка России заместитель председателя ЦБ РФ, курирующий ДКП, Алексей Борисович Заботкин.

Мы собираемся достаточно часто, где-то два раза в месяц. Заседания проводятся как на общие темы, так и с акцентом на отраслевые задачи. На одних собирается и анализируется информация, вырабатываются некие общие подходы. На других формируются предложения об их реализации по отраслям. Я курирую деятельность этой рабочей группы со стороны РСПП.

Могу сказать, что было условие со стороны ЦБ, что на заседаниях мы не обсуждаем денежно-кредитную политику, ее параметры. Не обсуждаем, как ЦБ рассчитывает инфляцию, как влияет ключевая ставка на инфляцию, какие факторы надо принимать во внимание, какие не надо.

Тосунян Г.А.: Простите, что прерываю во время доклада. Почему вам ЦБ ставит условия?

Лисицын А.Ю.: Я ожидал Вашу реакцию, поэтому решил это озвучить в основной части доклада.

Тосунян Г.А.: Почему регулятор должен ставить условия, когда это общественная площадка?

Лисицын А.Ю.: С точки зрения нашего взаимодействия с ЦБ никаких условий, конечно, быть не может. Мы высказываемся по тем вопросам, которые можно и нужно обсуждать.

В позапрошлом году мы направляли в Центральный банк достаточно подробный доклад.

Он включал наши оценки влияния валютного курса на инфляцию, а также влияния на нее самой ключевой ставки, которая, с нашей точки зрения, является скорее проинфляционным фактором.

В докладе мы указали, какие меры можно применять относительно не только ключевой ставки, но и использования различных инструментов стимулирования экономики, выкупа облигаций Центральным банком при первичном обращении. Это сейчас запрещено на основании закона, но мы предлагали как раз уточнить соответствующие меры.

Естественно, мы включаемся во все эти вопросы.

Просто пока я говорю о деятельности специальной рабочей группы. Если им это ограничение не поставить, они углубляются в некую рефлексию, пытаются больше оперировать общими словами, уходят в закрытую позицию, конструктивного диалога не получается.

Цель нашей рабочей группы – выработать конкретные предложения и получить по ним позицию Центрального банка, причем неважно какую.

Мы открыто заявляем, что если позиция ЦБ будет отрицательной, значит, мы будем работать с Правительством.

Если говорить глобально, но при этом экспертно, как руководитель соответствующего блока РСПП я могу сказать следующее: мы пытаемся привести к ситуации, когда все-таки Правительство будет достаточно активно формировать основные параметры денежно-кредитной политики, как это предусмотрено Конституцией и Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации».

Мы даже предлагали, чтобы Правительство и президент обязательно формировали официальные заключения по основным направлениям единой денежно-кредитной политики, которую готовит ЦБ.

Пока это рассматривается в рабочем режиме, на высокий официальный уровень предложения еще не представлены. В настоящее время по нашей информации никаких официальных заключений не готовится. То есть говорить об этом в публичном пространстве хотя и необходимо, но пока рано.

Почему я начал с деятельности этой рабочей группы?

Потому что во многом то, что было вынесено на Финансовый форум, и то, о чем я буду говорить сегодня, сформировалось как раз в рамках четырехмесячной деятельности этой рабочей группы.

Мы видим: компании достаточно активно реагируют на конкретные предложения о том, как им в текущих условиях обеспечить финансовую устойчивость.

Здесь появляется такой конструктивный трек, который мы можем либо продолжать решать с ЦБ, либо выносить уже на Правительство.

Надеюсь, я ответил на уточняющий вопрос.

Мы проводим ряд опросов, поэтому начну с социологии.

На полях Недели российского бизнеса, то есть при подготовке к нашему съезду, мы проводили Федеральный совет. На вопросы отвечали представители наших региональных отделений.

Как повлияло на бизнес увеличение ключевой ставки?

Сразу хотел бы отметить, что в целом влияние очень значительное, оно фактически определяющее.

Инвестиционные проекты отменены или приостановлены в 20% случаев, при этом сильное и значительное влияние наблюдается почти в 50% случаев (Рисунок 1).

Рис. 1

В большинстве компаний говорят, что сейчас не идет речь об остановке инвестиционных проектов, они об этом уже даже не думают.

Остаются только те проекты, которые компании вынуждены делать в связи с действующими соглашениями, заключенными с местными и федеральными властями.

Для реального сектора прежде всего важно обеспечить операционное функционирование бизнеса в сложившихся условиях и не приводить к нарушениям в части налогового законодательства.

То есть бизнесу необходимо выполнять налоговые обязательства, сохраняя при этом кадры и обеспечивая своевременную выплату зарплат.

Возникает субъективное ощущение, что компании по своим инвестиционным проектам в некотором смысле входят в пике, выход из которого может быть крайне сложным.

С проводимой сейчас политикой по «охлаждению» мы можем создать ситуацию, при которой будет очень сложно выйти хоть в какое-то «потепление».

В этой связи компании очень часто высказываются крайне негативно относительно того, есть ли сейчас какой-то перегрев экономики.

Понятно, что ключевым примером являются жилищное строительство и ипотека.

Озвучу два вопроса.

Первое: а есть ли этот перегрев в целом по экономике, особенно в перерабатывающей и обрабатывающей отраслях?

Второе: есть ли у государства, у Правительства и Центрального банка план выхода из того пике, в которое экономика может быть введена, а по некоторым оценкам, уже сейчас находится в этом штопоре?

Что касается планов.

Есть очень существенные проблемы.

Общий комментарий по планам и по ощущениям бизнеса я уже сформулировал.

В рамках этого же Финансового форума проводили опрос о том, какова долговая, точнее, процентная нагрузка на предприятие.

Если суммировать, мы увидим, что она не изменилась практически немногим более чем у 20% опрошенных. В целом она выросла примерно у 40% опрошенных (Рисунок 2).

Рис. 2

Здесь, я думаю, все достаточно логично.

Большинство компаний прямо говорят о том, что сейчас критична даже не сама закредитованность, а то, что значительная доля кредитов выдавалась бизнесу по плавающим процентным ставкам.

Соответственно, любое изменение ключевой ставки приводит к существенному изменению процентной нагрузки, доли процентных платежей.

В 2025 году ситуация будет только ухудшаться, будет достаточно существенное утяжеление нагрузки на бизнес.

Какие меры необходимо предпринимать? Мне кажется, они должны быть комплексными.

Позже скажу, о каких мерах сейчас говорит бизнес.

Хочу отметить, что в этом опросе участвовало порядка 500 компаний.

Мы задавали вопрос: «Насколько изменяется основа выручки, то есть те заказы, которые формируются?» (Рисунок 3)

Заказы критично или существенно снизились примерно у 40% респондентов. Слабо, но тоже снизились – у 20% опрошенных, однако не изменились или даже выросли – у 35% опрошенных. Правда, выросли они всего у 5%.

Рис. 3

Это говорит о том, что старые заказы еще пока есть, они реализуются.

Гарегин Ашотович отмечал, что при этом есть существенная проблема.

Заказ есть, но издержки так выросли, что освоение этого заказа и получение достаточной прибыли по результатам его выполнения, реализации инвестиционных программ находится под существенной угрозой. Об этом я так или иначе еще буду говорить.

Теперь о результатах опроса по материалам Финансового форума.

Мы здесь больше делали уклон на доступность самих финансовых ресурсов, доступность различных финансовых инструментов.

Как показал опрос, доступность финансовых ресурсов у 70% опрошенных снизилась (Рисунок 4).

Рис. 4

Что сдерживает инвестиции для устойчивого экономического роста?

Это прежде всего высокая ключевая ставка.

И второе – невозможность прогнозирования макроэкономических условий на долгосрочный период.

Как в любом социологическом опросе, здесь есть некое пересечение в ответах.

Отмечая невозможность прогнозирования макроэкономических условий, некоторые респонденты могли включать фактор волатильности рубля, а некоторые могли не включать (Рисунок 5).

Я бы методологически это объединял.

Но для того, чтобы попытаться определить влияние этого фактора, чрезмерную волатильность выделили отдельно.

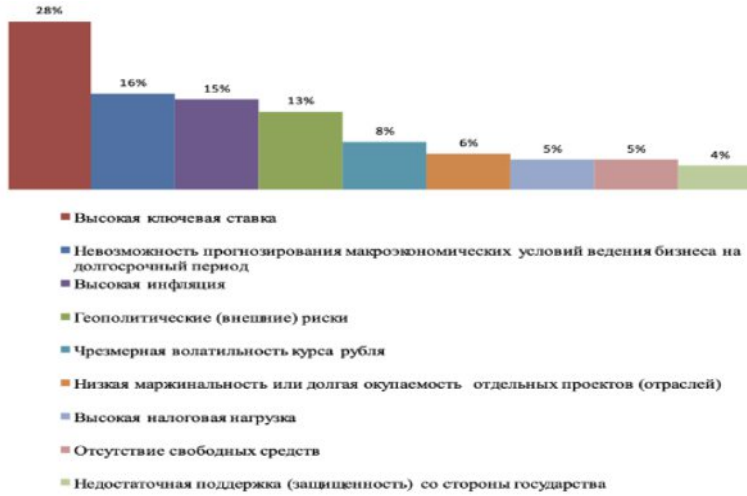

Рис. 5

Было опрошено порядка 400 участников Финансового форума. Из них около 60% – представители реального сектора.

Остальные – представители либо финансового сектора, либо науки.

Конечно, надо взвешивать ответы, результаты опроса.

Но тем не менее они достаточно показательны.

Возвращаясь к чрезмерной волатильности.

Получается, что невозможность прогнозирования примерно сопоставима с оценкой влияния ключевой ставки.

В этом смысле я полностью и как эксперт, и как представитель блока РСПП согласен с тем, что озвучил Гарегин Ашотович, оценивая ситуацию с волатильностью курса национальной валюты.

Вернемся к опросу.

Какие факторы имеют наибольшее значение для развития рынка инвестиций, и что нужно сделать?

Здесь тоже вполне ожидаемые результаты (Рисунок 6).

Смягчение денежно-кредитной политики отмечают порядка 30% респондентов, около 15% говорят о необходимости снижения инфляции.

На третьем месте – налоговое стимулирование инвестиций.

Снижение инфляции мы намеренно выделили в отдельный вариант ответа для того, чтобы иметь возможность оценить, насколько компании ставят в приоритет снижение инфляции, вообще инфляционное таргетирование как основу ДКП.

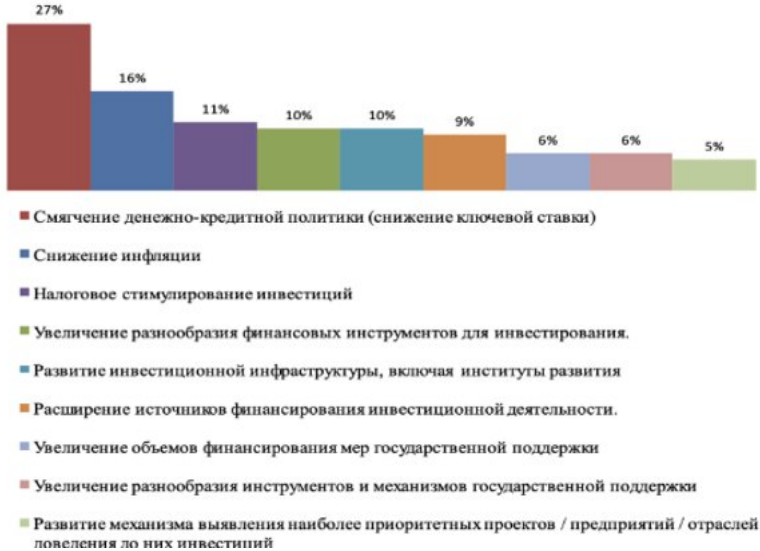

Рис. 6

Из этого можно сделать вывод, что компаниям важна не столько сама инфляция, сколько наличие достаточного предложения денег в экономике.

Какие источники финансирования компании рассматривают как наиболее эффективные?

Здесь произошло достаточно серьезное изменение, во многом обусловленное жесткостью ДКП (Рисунок 7).

Если раньше среди наиболее эффективных мер рассматривалось банковское кредитование, то сейчас оно ушло на одно из последних мест, что почти сопоставимо с цифровыми инструментами, цифровыми финансовыми активами.

Рис. 7

Компании видят приоритет в государственном финансировании и финансировании от институтов развития. Это сопоставимо со взносом учредителей.

Сами учредители, собственники бизнеса, прямо говорят о том, что сейчас им достаточно сложно прогнозировать макроэкономические условия и, соответственно, вложения в бизнес.

Все их инвестиционные проекты тоже в значительной степени планируется сворачивать.

Получается, что, по мнению бизнеса, надежда только на государственные институты.

В рамках рабочей группы проводили оценку по отдельным отраслям.

Скажу в общих чертах.

Для примера приведу три отрасли: ЖКХ, жилищное строительство, металлургию и машиностроение.

Говоря о ЖКХ, отмечу, что там ситуация вообще патовая. Связано это с двумя существенными факторами.

Во-первых, жесткая денежно-кредитная политика привела к нарушению параметров доходности тех проектов государственного и частного партнерства, которые реализовывались в этой сфере.

Фактически наблюдается ситуация, когда инвестиционные проекты в сфере ЖКХ, в сфере теплоснабжения и водоснабжения не могут быть реализованы с теми параметрами, которые были заложены. В этой связи бизнес в данной сфере просит сдвинуть эти проекты на более поздние сроки.

Второй фактор очень существенный – это проблема с платежами потребителей соответствующих услуг и товаров. Значительную долю в этом составляют не физические, а юридические лица, управляющие компании. Предлагается сформировать механизм выкупа этих долгов соответствующими государственными структурами. Пока этот механизм, естественно, будет обсуждаться.

Но идея является рабочей, мы рассматриваем ее как основную.

Есть и третий фактор, о нем говорил Гарегин Ашотович.

Это фактор кадровых ресурсов.

Компании, и не только в сфере ЖКХ, называют существенным фактором конкуренцию со стороны СВО.

Люди целыми управляющими компаниями, службами, которые обеспечивают жилищно-коммунальное хозяйство, уходят на СВО.

Это приводит к невозможности реализации проектов. Кадровый вопрос крайне существенен.

В жилищном строительстве ситуация также критична. Связано это с другими факторами.

Прежде всего с тем, что та модель жилищного строительства, которая закладывалась, долгое время была основана на эскроу-счетах и на проектном финансировании.

Это приводит к высокой зависимости бизнеса застройщиков от продаж жилья.

Застройщики прогнозируют падение темпов продажи жилья к середине года более чем на 40%.

Возникает существенная сложность, заключающаяся в том, что большинство кредитных договоров в рамках проектного финансирования предусматривает оговорки, ковенанты.

Если темпы продаж снижаются до определенного уровня, то происходит замораживание соответствующего проекта и возникает необходимость реализации тех залогов, которые лежат в основе этого проекта.

Застройщики немного обостряют эту ситуацию. Они прямо озвучивают, что фактически весь недострой, который образуется, вынуждены будут достраивать банки.

Пострадают не столько физические лица, дольщики, сколько именно банки, поскольку они получат эти проекты на баланс.

Это крайне критическая ситуация.

Она вызвана в значительной степени сверхагрессивной политикой Центрального банка в отношении деятельности по жилищному строительству. Там и ипотечный стандарт, и особенное требование по банковским нормативам.

В этой связи большинство наших предложений направлено на то, чтобы не оказывать преференции, а сбалансировать подход с другими отраслями экономики.

В специальной металлургии и машиностроении уже сейчас наблюдается падение на 10–15%.

К концу года, если ничего не будет меняться, оно увеличится до 40%. Здесь факторы достаточно понятные.

Единственная особенность заключается в том, что стоимость кредитования растет, проекты не реализуются.

Но в этих отраслях особенное значение имеет существенный рост дебиторской задолженности. Как отмечают компании, все больше речь идет о кризисе платежей, и здесь это связано с неплатежами прежде всего от госкорпораций.

Говоря о многочисленных проблемах, хочу подчеркнуть, что в их решении очень важна совместная работа с наукой.

Нам надо четко отследить, каким фактором является ключевая ставка.

Это фактор проинфляционный или основной единственный инструмент противодействия инфляции?

Цифры показывают, особенно во втором и третьем кварталах 2023 года, что изменение ключевой ставки приводит скорее к росту инфляции. Это повод для обсуждения.

Было бы очень важно получить от вас обратную связь.

Отмечается и большое количество других факторов, которые необходимо учитывать.

Единственное, что я хотел бы добавить, это то, что у нас одним из важнейших факторов является как раз неэффективность государственного управления.

Так считают компании.

Нам надо внимательно оценить, насколько проинфляционными являются рост расходов и неэффективность в государственном управлении.

Это интересный предмет для анализа вместе с научным сообществом.

Совсем коротко о ключевых мерах.

Прежде всего следует сказать о сдвижке инвестиционных проектов вправо. Это обеспечение того, чтобы государственные компании реализовывали предоплату в большем объеме и быстрее завершали свои платежи по контрактам.

Обеспечение финансовой устойчивости – это различного рода льготное финансирование и работа с нормативными требованиями банков.

Что касается транзакционных издержек, это как раз реализация различного рода механизмов, направленных на обеспечение эффективных систем расчетов по внешнеэкономической деятельности.

С учетом лимита времени не буду на этом останавливаться. Думаю, если потребуется, мы сможем обсудить это в ходе дискуссии.

Спасибо большое за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое, Андрей Юрьевич, за такой обстоятельный и содержательный доклад.

Перейдем к вопросам.

МЕДВЕДЕВ П.А.
д. э. н., профессор, финансовый омбудсмен Ассоциации российских банков

Медведев П.А.: Спасибо.
Андрей, прежде всего хочу Вас приветствовать.
Мы с Андреем Юрьевичем очень давно знакомы.
Мне очень приятно видеть и слышать Вас.
Спасибо за доклад.

Вы ссылались на опросы предпринимателей, которые считают, что увеличение ключевой ставки отрицательно влияет на хозяйственную активность.

Увеличение ставки скорее увеличивает инфляцию, чем уменьшает ее.

Не являются ли инфляция и ухудшение хозяйственных возможностей следствием одних и тех же причин, а не факторами, находящимися в непосредственной причинной связи?

«Россия производит в десять раз больше дальнобойных ракет, чем все страны НАТО, вместе взятые», – заявил президент РФ на саммите ОДКБ.

По его словам, в 2025 году производство российских дальнобойных ракет вырастет еще на 25–30%. При этом даже новые американские ракеты уступают по своим характеристикам российским.

Легко сообразить, что население стран НАТО, на которые ссылался президент, в 6,6 раза превосходит население нашей страны.

Это значит, что теоретически каждый россиянин «откавывает» в год в 66 раз больше дальнобойных ракет, чем житель страны НАТО.

Как известно, экономическое положение и производительность труда в странах НАТО как минимум не ниже, а на самом деле в разы выше, чем в Российской Федерации.

А если еще в 2025 году, к которому, конечно, все ответственные предприниматели готовились, на 25–30% увеличится выпуск дальнобойных ракет, то каждый россиянин, опять же теоретически, «откует» в 80 раз больше ракет, чем представитель страны НАТО.

Откавывая в 80 раз больше ракет, чем среднестатистический житель Запада, российский гражданин продолжает грустить о процентной ставке?!

Спасибо.

Лисицын А.Ю.: Павел Алексеевич, большое спасибо. Тоже очень приятно Вас видеть.

Отвечая на Ваш вопрос, отмечу.

Анализ, который я привожу, отражает видение отдельных компаний. Но одновременно он демонстрирует общее ощущение бизнеса.

При этом сами же компании показывают всю совокупность факторов, которая влияет на инфляцию. В том числе это связано и с коррупцией, и с эффективностью госаппарата, госуправления.

В РСПП мы тоже хорошо понимаем, что о прямой зависимости здесь говорить бессмысленно.

Нужно говорить о тонких, эффективных инструментах управления как инфляцией, так и эффективными ставками по финансированию тех или иных проектов.

Поэтому мы считаем, что все-таки Правительство должно участвовать в самом формировании ключевых параметров денежно-кредитной политики.

Понятно, что конкретные инструменты как были у независимого в этой части Центрального банка, так и останутся.

Но формирование ключевых параметров должно осуществляться в том числе с активным участием Правительства. Бюджетная и налоговая политика должны соотноситься.

Мы видим только один способ, как в этом случае действовать.

Это выявление приоритетных проектов, которые приводят, с одной стороны, к увеличению предложения товаров при наличии соответствующего спроса, а с другой – обеспечивают реализацию национальных проектов.

Это соотношение может регулироваться уже не столько Центральным банком, сколько как раз Правительством. Возникает существенный вопрос.

Центральный банк, реагируя на наши предложения, прямо заявляет, что он вообще против каких-либо изменений в этой части взаимодействия с Правительством, поскольку в соответствии с Конституцией он независим в действиях по обеспечению устойчивости рубля.

Здесь, мне кажется, мы стоим перед дилеммой.

С одной стороны, у нас нет четкого центра ответственности за проведение любых действий в части формирования и реализации ДКП. В данном случае это не позиция РСПП, это моя личная позиция как эксперта.

С другой стороны, излишняя централизация полномочий может привести к снижению адаптивности финансовой системы.

Я считаю, что мы сейчас находимся на перепутье. Тем не менее мы должны четко определиться.

Допустим, мы показываем Центральному банку, что вот это не работает.

Центральный банк отвечает, что это не их проблема, а бюджетной, налоговой, промышленной политики, вопросы эффективности труда.

Компании считают невозможным повышать производительность труда, так как сильно снижены возможности инвестирования.

Да, здесь Центральный банк независим.

Он сам решает, когда и куда ему двигать ключевую ставку. Но за политику, определяющую параметры развития экономики, должен быть конкретный ответственный.

Немного сумбурно, но надеюсь, я ответил в основном на Ваш вопрос.

Медведев П.А.: Большое спасибо.

КЛЕПАЧ А.Н.
к. э. н., главный экономист ВЭБ.РФ

Клепач А.Н.: Действительно, очень интересное выступление, но просьба конкретизировать, в чем все-таки видение изменений во взаимоотношениях с Правительством.

Поясню.

Во-первых, Правительство одобряет денежно-кредитную политику. Она даже называется, как известно, единая государственная, поэтому, несмотря на определенные споры, это единая политика Центрального банка и Правительства.

Во-вторых, у нас в феврале была проведена совместная стратегическая сессия Правительства и Центрального банка. На ней было принято решение об управляемом торможении экономического роста, и это совместная позиция Банка России и Правительства.

Различия скорее в нюансах.

Правительство готово ставить вопрос о дифференциации кредитной поддержки (включая разные ставки) для приоритетных проектов, особенно в рамках национальных проектов.

Банк России тверд в том, что правила кредитно-денежной политики одни для всех и дифференциация может идти только через бюджетные стимулы.

Тогда же ЦБ получил поддержку как политики сохранения процентных ставок, так и введения всех остальных ограничений антициклических надбавок по кредитованию.

В этом смысле вздохи и сожаления есть, но политика одна, там различаются нюансы, а не суть.

Более того, как известно, Банк России многие свои решения, особенно в части размеров операций с депозитами и других, согласовывает с Минфином.

Правда, раньше это взаимодействие было более тесным, а сейчас оно несколько ослабло.

Что касается бюджетного правила, покупки валюты как зеркальной операции, здесь политика на самом деле единая. При этом есть различие в нюансах, а не в подходах.

В этом плане что конкретно предлагается изменить?

Спасибо.

Лисицын А.Ю.: Спасибо.

Как я отметил, мы вырабатываем эти предложения. Это одно из рабочих предложений, которое мы обсуждаем сейчас.

Вы говорите, что фактически все согласовывается, есть закрытые стратегические сессии.

Поскольку мы работаем с бизнесом «на земле», он не может прогнозировать, что будет происходить в экономике.

Не очень понятно, какими способами будет осуществляться управляемое снижение.

И самое главное.

Опасно даже не само замедление экономики.

Важно понимать, как будет осуществляться выход из этого замедления, какие параметры, какие признаки, какие метрики будут использоваться для того, чтобы провести этот процесс безболезненно.

Что касается некой закрытости.

Действительно, можно говорить о наличии координации действий, но это не относится к формированию политики.

В чем, с моей точки зрения, выражается отсутствие единства?

Документ, который называется «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики», не получает официального заключения со стороны Правительства РФ и администрации Президента, то есть и самого Президента. Это все делается в рабочем порядке.

Такого документа на стадии подготовки никто не видит. Если вы его видите, хорошо.

Мы как бизнес не можем оценить, из каких параметров исходят Правительство и Центральный банк с точки зрения прогнозирования.

А бизнесу очень важно понимать, как будет меняться ситуация.

Возможно, вы гораздо более осведомленные люди, но той информации, которая к нам поступает, недостаточно для прогнозирования.

Если такие официальные документы есть, значит, информация о них должна иметь более публичный характер. Тогда мы сможем говорить о какой-то синхронизации.

МОСКОВКИН Л.И.
специальный корреспондент газеты «Московская правда»

Московкин Л.И.: Лев Израилевич Московкин, «Московская правда».

Доклад абсолютно понятный, но остаются вопросы.

Я тоже не вижу источников.

Ходят разговоры о том, что ключевую ставку снизят на 2%.

Это что-то даст экономике, или нужно более радикальное снижение?

Кто может влиять на ДКП, кроме ЦБ?

Есть примеры, когда президент принимает решение, противоположное предложенному, но с ДКП он почему-то согласился.

Из Вашего доклада следует, если я правильно понял, что у нас фактически нечто вроде двухконтурной экономики. Оборонка выведена оттуда, поэтому мы видим и переток кадров.

Есть вопрос по эскроу-счетам. Если это решение вредное, то кто вообще его принимал?

Спасибо большое, очень четко, понятно, хорошо.

Лисицын А.Ю.: Здесь несколько вопросов.

Начнем с конца.

Счета эскроу – это положительно прежде всего относительно влияния на недострой, чтобы не возникало обманутых дольщиков. Социальный эффект однозначно положительный.

Вопрос в точечной донастройке, чтобы изменения макроусловий меньше влияли на рынок и были более предсказуемы для застройщиков, учитывая длину их производственного цикла, которая в среднем составляет пять лет. Естественно, нужно планировать, учитывая этот горизонт.

Второе – это защита банков.

В противном случае они могут получить на баланс объекты, которые необходимо достраивать с непонятными ресурсами.

По поводу изменения ключевой ставки. Мы на Финансовом форуме тоже обсуждали этот вопрос.

Такое ощущение, что бизнес исходит из того, что любое изменение ключевой ставки меньше чем до 14–15%, мало что изменит.

Мы уже зашли в те негативные процессы, о которых здесь говорили.

Соответственно, незначительные изменения будут иметь эффект, но несущественный. Это общая средняя оценка бизнеса.

Еще раз повторю свой тезис.

Почему нужен стабильный, менее волатильный курс национальной валюты и предсказуемость? Почему нужны понятные параметры и метрики по ДКП не только по ключевой ставке и уровню инфляции, но и по иным показателям, которые надо выработать совместно?

Это нужно для того, чтобы и бизнесу, и государству легче было прогнозировать те или иные изменения, причем не без включения различных механизмов поддержки.

В этой связи сама ключевая ставка, конечно, имеет влияние, но при снижении не на 1–2%, а более существенно.

И то не факт, что для экономики это будет полезно. Точнее, сейчас такое резкое снижение будет вредно для экономики.

Мы в данном случае ведем себя ответственно и понимаем, что скорее нужно говорить о выработке предсказуемости и точечных мер поддержки для того, чтобы обеспечить более управляемый выход из планового снижения перегрева.

КУЛИКОВ Н.И.
д. э. н., профессор кафедры экономики Тамбовского государственного технического университета

Куликов Н.И.: Здравствуйте, уважаемые коллеги! Спасибо за доклад.

Я почти в таком же плане написал большую статью, которая выйдет в марте в журнале «Финансы и кредит».

У меня вопрос.

Не кажется ли Вам, что Россия последние 10 лет ходит по замкнутому кругу? Или это денежная кредитно-финансовая политика ведет к тупику?

Начинает расти потребительский спрос – повышается ключевая ставка. Банк России объясняет это тем, что промышленность не готова производить столько продукции, и поэтому мы должны все остановить. Но в то же время растут кредиты. Промышленность не может наращивать производство, потому что нет денег.

Второй вопрос.

Я человек с производства.

Если мы сокращаем потребительский спрос, кто будет дополнительно производить продукцию, если ее завтра не будут покупать?

Прежде чем что-то делать, я изучаю рынок. И поэтому сегодня я многим задаю вопрос: как выйти из этой ситуации? Никто не знает.

Лисицын А.Ю.: Спасибо большое.

Конечно, это один из вопросов, который как раз и приводит к мысли о том, что здесь нужно говорить об ответственности в сфере макроусловий в единой денежно-кредитной политике.

Есть формирование этой политики, а есть реализация. Повторяться не буду.

И оценивать этот замкнутый круг или осознанное линейное движение в политике – не мне, все-таки это не моя компетенция, не моя квалификация.

Но в общем и целом я могу сказать как управленец, который коммуницирует с реальным сектором экономики, что четкого понимания того, как, что и почему делается, у бизнеса нет.

И в этой связи, конечно, мы должны подумать о переходе к модели, в которой есть более четкое условие для прогнозирования. По-другому я просто ответить не могу.

Да, есть какие-то признаки того, что у нас постоянно возникает ощущение, как в старой интермедии: «К пуговицам претензии есть? Нет. Значит, костюм хороший».

Здесь та же самая ситуация.

Влияние ключевой ставки на инфляцию – претензии есть? Нет. Значит, все хорошо.

Но есть и иные существенные факторы влияния, например, тот же самый валютный курс. Есть еще тарифная политика, которая давит с другой стороны.

Почему-то нет публичности в этой оценке, нет прогнозируемости.

Мне как эксперту со стороны бизнеса кажется, что точно надо что-то менять.

Иначе бизнес вынужден сворачивать какие-то существенные изменения, в том числе по обеспечению производительности труда.

Куликов Н.И.: Постоянно задается вопрос о недостатке трудовых ресурсов.

Чтобы избавиться от этого, надо просто дать средства на модернизацию, и сегодня такие возможности есть. Тогда завтра возникнет вопрос, куда девать людей.

Даже при той политике, которую проводит сегодня Центральный банк, стоит задуматься, что будет через пять лет с кадрами, поскольку идет развитие искусственного интеллекта и цифровизации.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Лисицын А.Ю.: Мы задаем похожие вопросы Центральному банку, но слышим в ответ: «А это не наш вопрос, это вопрос Правительства».

Именно поэтому мы, эксперты, видим, что формирование политики в этом вопросе нужно четко сместить к Правительству.

Как правильно отмечалось в комментариях, есть и другие механизмы этой координации.

ИВАНОВА Н.И.
академик РАН, д. э. н., руководитель научного направления ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Есть в чате вопрос уважаемого академика Ивановой Натальи Ивановны. Зачитаю.

«Единица опроса – предприятие. Уточните, пожалуйста, это понятие для современной российской экономики. Это компания или ее составная часть, отдельная производственная единица, как в статистике? Многоотраслевая корпорация, торговый центр или розничная сеть, маркетплейс, госорганизация – макроэкономическая среда для них одинаковая?»

Лисицын А.Ю.: Спасибо. Вопрос понятен.

У меня не было задачи научного исследования, поэтому я эту информацию озвучил только устно.

Если говорить об опросе, который относится к материалам Федерального совета, то в нем участвовали отдельные предприятия, среди которых порядка 89% представляют реальный сектор.

Что касается опроса к Финансовому форуму, то это более широкое общественное мероприятие. Здесь примерно 70% – отдельные предприятия реального сектора.

Но процентовка, если честно, примерно одинаковая, вне зависимости от состава аудитории.

Мы достаточно много проводим исследований, все они прежде всего носят социологический характер.

И последнее.

Конечно, макроусловия одинаковые, но реакция конкретных бизнесов из-за их специфики, естественно, разная. Я попытался на нескольких примерах это показать.

Иванова Н.И.: Но все-таки можно уточняющий вопрос? Когда Вы говорите про предприятие, это какой-то завод внутри отдельной компании?

Лисицын А.Ю.: Предприятие – это отдельная хозяйственная единица, которая может входить в группу. Мы не собирали в данном случае ответы консолидированно по группам. Это именно отдельное предприятие в конкретном регионе, в конкретной отрасли.

Иванова Н.И.: Отдельная хозяйственная единица?

Лисицын А.Ю.: Хозяйственная единица.

Иванова Н.И.: Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Андрей Юрьевич, еще раз. Если пока нет вопросов и нет желающих выступить, перейдем к следующему докладу, а потом уже будет общая дискуссия.

Послушаем нашего коллегу из бизнеса. Согомонян Артур Аршамович, кандидат экономических наук, президент, председатель совета директоров компании «ФомЛайн» – крупнейшего производителя поролона на территории России и СНГ.

Прошу Вас, Артур Аршамович.

ДОКЛАД 2

СОГОМОНЯН А.А.
к. э. н., президент, председатель Совета директоров
ООО «ФомЛайн»

Добрый день!

В каких-то вопросах я, наверно, буду повторяться. Но, честно говоря, будет взгляд больше изнутри, чем снаружи, потому что я – именно представитель бизнеса.

Вкратце представлю свою компанию, кто я и что.

Мне кажется, что такой взгляд должен быть интересен. По многим вопросам, которые сегодня обсуждаются, вы смотрите снаружи и видите общий итог, а здесь важны не только общие цифры, но и структура происходящих внутренних процессов.

Моя компания «ФомЛайн» – самый крупный в России производитель пенополиуретана, или поролона, как его называют.

У нас сеть заводов – от Красноярска до Санкт-Петербурга, есть на юге, на Урале, в Поволжье. Мы смотрим на бизнес в целом по стране, а не в отдельно взятом регионе.

Второй существенный нюанс, что наш бизнес – в области товаров народного потребления.

Мы не работаем с государством, не зависим от каких-то серьезных госзакупок. Представляем реальный сектор экономики. Основные наши потребители – это производители мебели, матрасов, губки, одежды.

Нашим продуктом пользуются предприятия автомобильной промышленности, а также производители различных технических пен.

Все это – бизнес по производству товаров широкого потребления, никаким образом не связанный серьезно с государством.

Все те глобальные процессы, которые начали происходить с 2022 года, определенным образом задевают и нас. Но тем не менее, несмотря ни на что, мы больше ориентированы на сам бизнес.

У нашей компании порядка 6500 клиентов – это небольшие, средние и крупные компании. Мы смотрим на весь рынок и внимательно следим в том числе за малым и средним бизнесом.

Плюс мы сами – потребители нефтехимической промышленности, ее часть. Наше сырье полностью производится из продуктов нефтепереработки, и это тоже существенный нюанс, который позволяет оценить, что сегодня происходит в этой области.

К сожалению, в последние годы в России больше занимались продажей сырья, чем нефтепереработкой. Это имеет достаточно серьезные последствия и очень сильно отражается на состоянии отрасли.

Я проанализировал бы три основных блока проблем.

Первое – это рынок. Второе – внутренние издержки бизнеса. Третье – инвестиции и планирование будущего.

Чтобы было понятно, как произошедшие изменения отражались на бизнесе в реальном секторе экономики, сравним их за несколько лет.

2022 год мы считаем в некотором смысле паническим. Когда начались резкие изменения, много чего происходило в совершенно разных направлениях.

Какие-то изменения имели последствия крайне негативные, некоторые – неожиданно приносили позитивные результаты, в связи с импортозамещением.

Если говорить о состоянии нашего рынка, в 2022 году падение составило 20% по отношению к 2021 году. Притом что маржа была достаточно высокая, потому что, когда происходят такие явления, производители закладывают большие риски и негативные ожидания. Таким образом, бизнес в плане доходности чувствовал себя, можно сказать, неплохо, хотя достаточно сильно проседал в объемах.

Добавлю еще один нюанс.

Бизнес мебели и матрасов связан с жильем, с его строительством и продажами.

Половина нашего бизнеса – это новостройки, обстановка нового жилья. А вторая половина – замена изношенной мебели.

Стоит отметить, что реализация мебели для новостроек идет с опозданием в один год. После покупки жилья примерно около года все занимаются ремонтом, и только потом – обстановкой.

Вторая половина продаж связана с обновлением изношенной мебели и матрасов. Срок их использования составляет от 8 до 12 лет, в зависимости от различных видов. Этот сегмент нашего бизнеса зависит от реальных доходов населения.

При достаточных доходах люди, как правило, улучшают свои условия. Когда доходы снижаются, наш рынок падает более стремительно, так как люди немного затягивают пояса, откладывают покупки товаров длительного пользования.

А со временем отложенный спрос прибавляется к текущему – и происходит резкий рост.

Таким образом, наш рынок более волатильный и очень чувствительный к реальным доходам населения.

Отмечу, что через потребление пенополиуретана во многих странах определяют предрасположенность людей к комфорту. По показателю потребления на душу населения можно оценить уровень комфортности жизни в странах.

Россия по этому показателю в разы отстает от Восточной и Западной Европы и на порядок – от Соединенных Штатов Америки. В связи с этим мы видим большой потенциал для нашего бизнеса.

В последнее время и в нашей стране культуре сна стали уделять больше внимания, так как сон играет очень большую роль в жизни и здоровье человека.

Вспомним советское время.

В основном спали на диванах, на раскладывающихся софах. Сон на комфортных, нормальных матрасах, который влияет на здоровье и продолжительность жизни, только сейчас приходит в нашу культуру.

Вернусь к истории.

2022 год для бизнеса можно охарактеризовать как «панический». Был очень высокий уровень неопределенности, много негативных ожиданий. В сентябре объявили мобилизацию.

Начались серьезные проблемы с персоналом, в частности, с инженерным составом.

Многие высококвалифицированные инженеры стали переводиться на работу на предприятия ВПК, которая освобождала их от мобилизации.

В связи с достаточно большой миграцией специалистов – мужчин активного возраста, нам пришлось ориентироваться больше на женский персонал.

Бизнесу пришлось подстраиваться под новые условия.

Для 2023 и 2024 годов характерна очень высокая неопределенность, что усложняло процесс планирования и бюджетирования.

Наш бизнес построен так, что мы заключаем годовые контракты с нефтепереработчиками в связи с тем, что сырье принадлежит к товарам первого класса опасности и ограничено в складских емкостях. К тому же часть компонентов попала в санкционный список.

Думаю, что такие проблемы были характерны для многих отраслей бизнеса в России. Например, серьезно переориентировались грузоперевозки. Если раньше 80% сырья мы везли из Европы, то сейчас уже 95% сырья идет из Азии, Китая, Кореи, Саудовской Аравии.

Это привело к определенным коллапсам в дальневосточных портах России, особенно в зимнее время.

Восточный порт Находка не справлялся с грузопотоками, которые, по некоторым оценкам, выросли в пять раз. А в зимнее время, когда еще накладывался отопительный сезон, оттуда в больших объемах отгружался уголь в центральную часть России.

Серьезно изменилась финансовая устойчивость предприятий. Если ранее поставщики сырья давали отсрочку в размере 45–60 дней, теперь отгрузки осуществляются исключительно по предоплате, в связи с высокими санкционными рисками. Плюс сроки доставки выросли с двух недель (из Европы), до двух-трех месяцев (из Азии).

Все это вынудило нас привлекать крупные кредитные ресурсы в связи с критическим ростом недостатка оборотных средств.

Параллельно существенно выросла стоимость денег. Повторю: мы вынуждены привлекать большие кредиты, несмотря на ставку.

Все это в итоге привело к увеличению издержек, увеличению себестоимости продукции и уменьшению маржи. Многие предприятия оказались на грани банкротства.

Отдельно хочу остановиться на инвестициях.

Мне кажется, если попытаться проранжировать, что произошло за эти три с половиной года, самым существенным я считаю резкое снижение инвестиций.

У бизнеса изменился подход к инвестициям и развитию. И дело не только в общих цифрах.

В первую очередь пострадали именно активно развивающиеся и, соответственно, закредитованные компании, к числу которых относится и наша.

Мы в последние годы серьезно инвестировали в новые производства и в модернизацию действующих, так как в перерабатывающей промышленности, в эффективности наши предприятия существенно отстают от Европы и от Азии.

Если там уже в активной фазе третья промышленная революция, то у нас еще только первая.

Нам надо достаточно активно двигаться, чтобы догнать наших зарубежных коллег и научить производителя работать эффективно и качественно.

Кредиты, конечно, помогли нам провести модернизацию. Но то, что произошло со ставкой, сделало некоторые проекты неокупаемыми. Таким образом, высокая ставка в первую очередь сильно ударила по развивающимся бизнесам.

Есть некоторые проекты, на которые я, конечно, не пошел бы, если бы знал, что ставка настолько вырастет.

Большинство банков предлагают плавающую ставку, привязанную к ставке рефинансирования. Но и те, которые дают фиксированную, при таких резких изменениях вынуждены иногда, даже насильственным путем, все-таки менять ставку.

Мы, безусловно, очень сильно зависимы от ключевой ставки Центрального банка.

Повторю, что некоторые проекты, на которые мы закладывали окупаемость 7–10 лет, стали проблемными.

Теперь мы видим, что их окупаемость ушла далеко за 15 лет, и эффективность этих вложений резко снизилась.

В этой ситуации, к сожалению, страдают наиболее активные предприниматели, те, кто идет в авангарде развития промышленности, беря на себя определенные риски. И в сегодняшней ситуации они пострадали достаточно сильно.

Существенное влияние оказывают санкции и негативные ожидания.

Очень сложно что-то прогнозировать, планировать, и это тоже сильно убивает мотивацию думать о развитии, об инвестициях.

Есть и другие существенные показатели. Резко выросла стоимость строительства квадратного метра промышленных площадей. Если раньше это было 40–50 тысяч рублей за квадратный метр, то сейчас уже больше 80 тысяч, даже ближе к 100.

Существует много льготных программ, например, в Фонде развития промышленности (ФРП), с которым мы активно сотрудничаем. Он много помогает именно в приобретении оборудования.

Около 20% инвестиций вкладывается в оборудование, когда речь идет о новых промышленных объектах. А 80% приходится на строительство зданий, сооружений и оборотные средства.

Поддержка ФРП для нас важна, но она предоставляется не совсем в той мере, которая нам необходима.

Еще один существенный нюанс, о котором не говорилось, но который тоже оказывает сильное влияние на снижение инвестиций. В России, к сожалению, 80% станочного парка и оборудования – импортные.

Свое производство оборудования для промышленности развито очень слабо.

Европейцы достаточно жестко отреагировали на сложившуюся ситуацию. И дело даже не только в санкциях. Они отказываются работать с Россией, особенно по новым технологиям.

Из Азии оборудование везти можно.

Но здесь тоже сказывается санкционное давление.

По нашей промышленности практически все оборудование, которое мы закупаем, попало под санкции. В один из первых санкционных списков было внесено все оборудование, в котором присутствуют конвейеры.

В то же время для автоматизации производства и возможности снижения количества задействованных людей требуется различное внутреннее конвейерное передвижение. И все это оборудование попало под санкции.

Конечно, наш бизнес достаточно активно подстраивается под это санкционное давление.

Есть «серый» импорт и различные схемы доставки оборудования. Это помогает снять многие вопросы, но приводит к удорожанию продукции, так как удлиняются логистические цепочки, появляются различные посредники, а также усложняются платежи.

По некоторым оценкам, в прошлом году порядка 15% платежей проводились по агентской схеме, через различные банки, что тоже, естественно, приводило к удорожанию.

Несмотря на то, что 2023 и 2024 годы были для бизнеса очень стрессовыми, сложнопредсказуемыми, наш бизнес достаточно успешно вышел из этой ситуации. Потери, конечно, были. И банкротства были, и достаточно крупные «проседания».

Я сейчас говорю про бизнес в реальном секторе, не связанный с государством и с ВПК.

Считаю, что бизнес в этой сложной ситуации все-таки смог показать свою устойчивость.

Что происходит сейчас?

Уже с начала 2025 года начинают реализовываться накопленные негативные ожидания: сохраняется очень высокая процентная ставка, вводятся меры по охлаждению экономики.

Для нас это очередной год с очень непонятным сложным планированием, потому что состояние неопределенности высокое и ожидания – негативные.

Коротко расскажу, как вел себя наш рынок в эти годы.

Если в 2021 году он оценивался в 160 тысяч тонн, то в 2022 году – в 128 тысяч тонн.

То есть произошло сокращение на 20%.

В 2023 году он вырос на 12%, составив 144 тысячи тонн. В 2024 году рынок немного упал – на 4%.

Анализ первых двух месяцев текущего года позволяет прогнозировать падение рынка на 20%.

Это будет очень существенно.

В марте объемы заказов у нас самые низкие начиная с 2011 года. Такого низкого уровня у нас еще не было.

И мы ожидаем, что за весь этот год меры по охлаждению экономики могут привести к достаточно серьезным последствиям, которые потом будет очень сложно устранять.

Сегодня для бизнеса в реальном секторе экономики среди проблем на первое место я поставил бы существенное снижение инвестиций.

Это связано и со сложностью планирования, и с очень большой дороговизной (сырья, комплектующих, оборудования), высокими ставками по кредитам.

Вдобавок в этом году государство еще отменило практически все льготы, в том числе по поддержке экспорта.

С первого марта отменили компенсацию по логистике, что очень серьезно ударило по нашему бизнесу.

И все эти меры, конечно, приводят к снижению инвестиций.

По инвестициям хотел бы рассказать чуть подробнее.

В 2022, 2023 и даже в 2024 году мы стали задумываться о снижении инвестиций, но были вынуждены заканчивать ранее начатые проекты.

Таким образом, в основном инвестиции носили характер завершения тех процессов, на которые уже были потрачены ресурсы.

Теперь что касается 2025 года.

Могу сказать не только про свою компанию, но и про те, с которыми мы сотрудничаем. Это и строительные компании, и компании по производству стройматериалов.

Например, мы тесно сотрудничаем с компанией «Технониколь», вместе анализируем и оцениваем рынок, потому что у нас общие риски. Также активно общаемся с нашими партнерами – производителями различной мебели, матрасов и товаров для сна.

Практически все на 2025 год резко снизили инвестиции. Если они не нулевые, то стремятся к нулю.

И причины здесь понятны.

Очень сложно думать о развитии в таком состоянии неопределенности.

Именно эту проблему я поставил бы на первое место. Сейчас бизнес иначе смотрит на процессы развития.

Очевидно, что те провалы по инвестициям, которые у нас начались уже в 2024 году, продолжатся и в 2025-м.

Через три-четыре года мы их почувствуем, потому что фонды изнашиваются, амортизируются, новые мощности не вводятся. Все это потом быстро заместить будет очень сложно, не говоря о том, что мы и сейчас отстаем по многим технологиям от Запада. И этот разрыв, к сожалению, увеличивается.

Если проанализировать рынок с точки зрения регионов, то характерно, что, например, рынок Сибири, региона за Уралом, ведет себя не слишком волатильно.

Его состояние практически не изменилось по сравнению с тем, что было до 2022 года.

Присутствуют те же процессы по сезонности.

Хотя, надо заметить, он все-таки понемногу падает. В основном это связано с эластичностью рынка, с ростом издержек, с ростом стоимости продукции.

Очень волатильно ведет себя юг нашей страны: там то пусто, то густо.

Это объясняется тем, что чем ближе к регионам, затрагиваемым СВО, тем рынок более непредсказуемый и не всегда понятный.

Центральный регион начинает вести себя уже более волатильно, он сильно просел в 2024 году и сейчас продолжает этот тренд.

Это как раз наша фундаментальная часть. Она в большей степени отражает нынешнее состояние и то, что мы ожидаем в будущем.

Взгляд изнутри интересен, потому что мы видим не среднюю температуру по больнице, а более подробно можем оценивать, что происходит, и находить причины этого.

Например, сегодня говорили об инфляции.

И мы как бизнес от этого зависим. Но мое личное мнение, что, говоря об инфляции, о высоких ставках, в первую очередь надо посмотреть на причины этой инфляции.

Считаю, что причина сейчас не столько экономическая, сколько политическая.

Очень много денег вливается в экономику, происходит раскручивание ВПК, осуществляются выплаты участникам СВО.

Наш рынок реагирует на это очень чувствительно.

Например, когда прошли выплаты, связанные с пандемией, мы сразу это почувствовали. Был очень большой скачок продаж. Сейчас происходит приблизительно то же самое.

Эти большие выплаты, вливание денег в экономику, довольно сильно разгоняют инфляцию.

А то, что с ней пытаются бороться высокой ключевой ставкой, имеет обратный эффект.

Экономика последние несколько лет ведет себя совершенно не так, как раньше. Мы ее для себя называем военной экономикой.

Экономика в мирное и военное время сильно отличается. Сейчас, действительно, многие процессы непредсказуемы. Кажется, что при такой инфляции курс национальной валюты должен тоже снижаться. Тем не менее он укрепляется.

Происходит и много других процессов, не совсем понятных.

Это тоже приводит к тому, что горизонт планирования серьезно сократился. Мы уже не думаем о каких-то дальних планах, стараемся жить сегодняшними проблемами, решая проблемы по мере их поступления.

Один из факторов, который существенно изменился для бизнеса, – возросшие внутренние издержки.

В первую очередь это касается тех областей, где много ручного труда.

Очень много ручного труда в мебельном производстве. Несмотря на сложные автоматизированные процессы, здесь требуется много рабочих рук.

Приведу цифры по средней зарплате на наших предприятиях.

В 2022 году она составляла в среднем 80 тысяч рублей.

В 2023 году – 120 тысяч рублей, рост на 24%.

В 2024 году – рост еще на 20%.

То есть каждый год зарплаты растут на 20%.

Сейчас средние зарплаты по отрасли уже 120 тысяч рублей, если быть точным – 120 тысяч 742 рубля.

В 2025 году мы опять заложили индексацию.

И это первое, что сильно влияет на увеличение издержек.

Очень существенный фактор – увеличение транспортных затрат.

Это тоже серьезная часть бизнеса, которая для нас очень важна. Но кроме этого она еще и показательна. Здесь также очень сильно выросли зарплаты, что связано в первую очередь с СВО.

Зарплаты водителей, занимающихся грузоперевозками, в среднем за прошлый год выросли на 20–25%. Но с начала этого года пошло резкое снижение грузопотока.

Например, в России только за январь-февраль оно в среднем составило 20–25%, а на рынке DIY (структура рынка включает строительные и отделочные материалы, сопроводительные товары для дома и др.), к которому мы относимся, снижение грузопотока составило 30%.

Однако и здесь все неравномерно: например, в Поволжье – около 40%, в Сибири – около 20%.

Но все те процессы, которые сейчас идут, разнонаправленные в одном смысле.

Например, происходит снижение грузопотока, и что приводит к снижению потребления – не очень понятно. С другой стороны, это увеличение издержек.

Если подытожить, то что получил бизнес за эти три года?

Это снижение инвестиций и сложность планирования, снижение горизонтов планирования, серьезные колебания на рынке. А также существенное увеличение издержек бизнеса, в первую очередь связанное с ростом зарплат.

На мой взгляд, не совсем вовремя происходит ужесточение миграционной политики, которое тоже внесло свою лепту в дефицит кадров. Он наблюдается у нас абсолютно на всех заводах, без исключения.

На сегодняшний день мы фиксируем недобор, дефицит кадров.

Очень сложно набирать людей, так как конкуренция на этом рынке достаточно высокая. Но бизнес со всеми этими вызовами справляется.

Если смотреть в будущее, я больше склонен к пессимизму, чем к оптимизму.

Для того чтобы ситуация изменилась, должны быть приняты какие-то существенные меры поддержки промышленных предприятий.

Тосунян Г.А.: Спасибо, Артур Аршамович, за такое подробное изложение.

Интересен взгляд изнутри, и ценен такой системный анализ.

Согомонян А.А.: Да, проблемы одни и те же. Просто изнутри немножко лучше видны причины.

Тосунян Г.А.: Конечно, Вы более детально раскрываете проблемы.

Это очень любопытно и очень важно, тем более что у Вас есть возможность проанализировать положение дел по 12 заводам по территории России.

Спасибо.

Поднял руку Сергей Вячеславович Калашников, экс-министр труда, экс-депутат Госдумы и руководитель комитета. Много титулов, перечислять все не стану.

Прошу Вас, Сергей Вячеславович.

д. э. н. КАЛАШНИКОВ С.В. – к. э. н. СОГОМОНЯН А.А., к. ю. н. ЛИСИЦЫН А.Ю.

КАЛАШНИКОВ С.В.
д. э. н., профессор, заведующий кафедрой труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ

Калашников С.В.: Здравствуйте, коллеги!

У меня вопрос к обоим докладчикам.

Одним из очень важных показателей текущей экономической ситуации является наличие или, наоборот, отсутствие проблем взаимоплатежей.

Вопрос: скажите, пожалуйста, как обстоит дело на сегодняшний день с взаимными платежами?

Они растут? Они уменьшаются? Они сошли на ноль?

Спасибо.

Согомонян А.А.: Взаимные платежи – внутренние или внешние?

Калашников С.В.: Конечно, речь идет о внутренних. Внешние Вы хорошо описали. Мы их понимаем. Я имею в виду платежи между контрагентами внутри страны.

Согомонян А.А.: В последнее время – я это вижу по нашему бизнесу – очень серьезно выросли неплатежи, а именно просрочки. Об этом говорил и предыдущий докладчик.

Наши основные клиенты – это производители, это промышленность. Мы практически всем даем определенную отсрочку, на нее они живут, работают.

В конце прошлого и начале этого года наши просроченные платежи достигли 25% от общего объема.

Такого у нас еще не было.

Обычно эта цифра колеблется от 8 до 12%. Мы считаем 12% уже достаточно высоким показателем.

Все, что сегодня происходит с высокой ключевой ставкой, со сложным привлечением ресурсов, со сложной ситуацией в различных бизнесах, конечно, отражается и на производителях.

Для крупных игроков это становится очень серьезной проблемой.

Сейчас проблема с платежами является для нас одной из основных.

Процесс еще не перешел в критическую стадию.

Платежи идут, но с задержками, все просят рассрочку, партнеры пытаются таким образом обеспечивать непрерывность своей деятельности.

То, что банки сократили финансирование, на самом деле для таких компаний, как наша, имеет двойной эффект.

Нам самим сложно привлекать инвестиции, а также приходится брать на себя функции поддержки клиентов – многих мелких и средних предприятий, которые еще не умеют настолько эффективно работать в таких условиях.

Все, что касается платежей внутри, сегодня серьезная проблемная зона, требующая пристального внимания.

А что касается внешних платежей, здесь ситуация следующая.

Вы знаете, что трудности с платежами вовне постоянно усиливались. Пик приходился на август 2024 года.

Тогда китайцы стали сильно усложнять прохождение денег, а многие азиатские банки вообще отказывались с нами работать.

Но к концу года, как ни странно, эта ситуация стала выправляться, и сейчас она на уровне 2024 года.

Есть банки, которые подстроились под эту ситуацию и работают с нами. Мне кажется, что бизнес эту проблему решил.

Лисицын А.Ю.: Я очень коротко.

На примере ЖКХ речь идет об очень существенном росте неплатежей со стороны потребителей. Прежде всего массовых потребителей – юридических лиц.

Говоря об отраслях, где есть высокая доля переработки, я приводил пример специальной металлургии и машиностроения. Следует признать, что там ситуация критичная. Они сейчас говорят о том, что неплатежи достигают порядка 70%. Причину этого надо анализировать.

Но возникает некоторое ощущение, что во многом это связано с высокими ставками банков на остаток денежных средств. Некоторые предприятия могут этим злоупотреблять.

Крупные компании, прежде всего государственные, просто придерживают платежи на банковских счетах. Это позволяет им обеспечивать окупаемость своих проектов и текущие платежи, в том числе по зарплате.

Но это оценка предварительная, надо проводить глубокое исследование, прежде всего на уровне системы, на уровне Правительства.

Эта проблема сейчас в поле нашего зрения.

Неплатежи растут. Нужно очень внимательно уже сейчас подходить к решению этой проблемы и принимать необходимые меры.

Спасибо.

КУВАЛИН Д.Б.
д. э. н., заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования микроэкономических процессов

Кувалин Д.Б.: Спасибо, Гарегин Ашотович.

Спасибо, Артур Аршамович, за Ваш очень интересный доклад.

Три коротких вопроса.

Первый. Вы сказали, что у вас на предприятиях оборудование, техника в основном импортная. Но при этом вы сотрудничаете с Фондом развития промышленности, который вроде бы субсидирует закупки именно отечественного оборудования. Скажите, пожалуйста, за прошедшие три года появились ли какие-то производители отечественного оборудования, которое удовлетворяет по качеству, и Вы охотно его приобретаете?

Второй вопрос. Западные страны перестали поставлять свое оборудование. Кем вы заменили западных поставщиков? Отечественными, китайскими…

Третий вопрос. Что Вы думаете о качестве оборудования, которым Вы заменили то, что теперь нам не поставляют западные страны?

Согомонян А.А.: Спасибо за вопросы.

Относительно сотрудничества с ФРП.

Оно у нас достаточно широкое, и речь идет не только об отечественном оборудовании.

ФРП поддерживает российские предприятия, там нет таких ограничений по поставщикам. И мы всегда на выделенные средства закупали импортное оборудование.

К сожалению, за эти три с половиной года не появилось ни одного нового поставщика. У нас есть белорусский производитель. Но по соотношению цены и качества они уступают аналогам и европейским, и азиатским. Мы иногда обращаемся к ним, но это вынужденная мера.

Надо подчеркнуть, что именно промышленность, связанная с производством оборудования, в частности, станкостроительная, в России пока очень-очень слабая. Я не вижу каких-то существенных изменений в этой области.

Относительно высокотехнологичного оборудования, на которое мы делали ставку последнее время.

Западные страны достаточно резко ограничили сотрудничество, а некоторые даже просто отказываются с нами работать, несмотря на наши многолетние добрые отношения. Отказывают в поставках, ссылаясь на то, что у них могут возникнуть проблемы.

Мы все переориентировались на Китай. Китай, если честно, нас приятно удивляет. Меня поражают темпы их развития, в частности, в станкостроении.

Сегодня практически все высокотехнологичное оборудование мы берем в Азии, небольшую часть – в Турции. Оно немного уступает немецким аналогам, причем в большей степени в сроках службы.

Немецкое оборудование даже после 10–15 лет эксплуатации практически не меняет качество, оно длительное в использовании. Китай в этом плане проигрывает. Но зато выигрывает в цене.

Их оборудование иногда в два, в три раза дешевле, при этом удовлетворяет по качеству.

Хотя, если говорить откровенно, конечно, оно еще не достигло уровня высоких европейских аналогов.

Но китайская промышленность развивается в этом направлении достаточно активно. Словом, наш бизнес, я имею в виду и свой, и в подавляющем большинстве своих клиентов, переориентировался на Азию и на Китай.

Немного усложнилось использование средств ФРП. Есть нюансы.

Сейчас идти в ФРП нам нет большого резона, потому что 80% инвестиций – это строительство. ФРП на строительство деньги не дает. Он дает исключительно на оборудование. Это не решает проблему глобально.

Поэтому инвестиции серьезно упали.

Повторю, что касается оборудования, к сожалению, ни российских аналогов, ни аналогов у соседних государств пока не появилось. Азия заменяет Европу, но не может заменить Америку.

В последнее время очень хорошее высокотехнологичное оборудование мы покупали в Штатах.

А недавно, когда я летал туда на выставку, нам показали оборудование, но предупредили, что поставлять его не имеют права в связи с санкциями.

Ждем, чтобы ситуация изменилась.

В целом пока Азия такие сильно продвинутые компании догнать не может, но движется в этом направлении очень быстро.

И что приятно – по ценам они, конечно, значительно ниже.

ЛЕБЕДЕВА М.А.
м. н. с. лаборатории пространственного развития территориальных систем и межотраслевых комплексов Центра исследований пространственного развития социально-экономических систем Вологодского научного центра РАН

Тосунян Г.А.: Спасибо.

В этом же контексте есть вопрос в чате от **Марины Лебедевой:** Здравствуйте, Артур Аршамович, спасибо за Ваш доклад. Скажите, пожалуйста, доступны ли Вашим предприятиям меры текущей господдержки, или критерии ее получения сформулированы так, что соответствовать им очень сложно?

Согомонян А.А.: Спасибо за вопрос.

На самом деле меры господдержки для нас были очень важны и чувствительны.

Но с конца 2024 года их стали отменять.

Так, 1 ноября 2024 года отменили поддержку по закупкам сырья, которое не производится в России, там предполагается импортозамещение. До этого нам субсидировали ставку.

Программа начала работать в 2023 году и, кстати, работала очень эффективно. Нас она серьезно поддержала.

Сейчас мы вынуждены перейти на коммерческие кредиты.

1 марта отменили поддержку экспорта, компенсацию транспорта.

Мы очень активно мониторим все, что происходит, так как сильно от этого зависим, и ждем каких-то новых мер поддержки.

На сегодняшний день у нас действуют только остатки по тем кредитам ФРП, которые мы взяли ранее и постепенно погашаем. Никаких новых нам пока, к сожалению, не предоставляют.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Елена Николаевна Ванчикова из Бурятского университета, пожалуйста.

ВАНЧИКОВА Е.Н.
д. э. н., профессор, заведующий межкафедральной научной лабораторией экономики сельского хозяйства и природопользования Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова

Ванчикова Е.Н.: Спасибо за очень содержательный и честный доклад, Артур Аршамович.

Вы очень наглядно показали, как макроэкономические и политические шоки трансформируются в конкретные бизнес-риски – от логистики до стоимости кредита.

У меня вопрос, который лежит на стыке Вашего взгляда «изнутри» и статистики «снаружи».

Вы упомянули о сложностях с наймом персонала и росте зарплат, а также о разном поведении рынков в регионах.

Если конкретнее о Дальневосточном федеральном округе (ДФО): насколько остро там стоит кадровая проблема на фоне других регионов?

Мы видим в статистике, что рынок труда ДФО структурно деформирован:

- ключевая отрасль – добыча полезных ископаемых – дает 30% валовой добавленной стоимости, но занимает всего 4% работающих;
- основной работодатель – торговля (17% занятых), но это сектор с низкой производительностью.

А есть ли разница по рынку труда? Ваши заводы, как понимаю, находятся в разных регионах. Есть ли там какие-то особенности с набором персонала?

В настоящее время приходится ли вам конкурировать за кадры с:

1) торговлей, которая держит высокую долю занятости,
2) вахтовиками из добывающей отрасли, которые формируют высокие зарплатные ожидания, не создавая постоянных рабочих мест для местного населения,
3) и одновременно бороться с общим оттоком населения из макрорегиона?

Согомонян А.А.: Спасибо за вопросы.

Есть, но они не очень существенные. У всех – общие основные причины. Прежде всего это рост зарплат, обусловленный тем, что много кадров сейчас привлекается на мобилизацию на СВО.

Особенно эта проблема заметна на Урале, где много предприятий ВПК. Зарплаты на челябинском или уральском заводе, которые раньше колебались в пределах 70–80 тысяч рублей, сейчас существенно выше 200 тысяч.

Нам приходится на это реагировать.

Те заводы, которые находятся в непосредственной близости к военно-промышленным предприятиям, вынуждены это учитывать, там ситуация с зарплатами сложнее.

Существенный нюанс. Миграционное законодательство усилилось, и большое количество мигрантов уезжает из России. Особенно сильно это ощущается на мебельных производствах, в перерабатывающей промышленности.

К сожалению, внутренними ресурсами заместить отток кадров не удается.

Это в большей степени относится к центральному региону.

На юге страны сейчас тоже проблемы с кадрами. Но там достаточно неплохой рост показывает сельское хозяйство, развиваются другие отрасли экономики. Но проблемы с кадрами есть и там.

Если говорить о глубине проблемы, наверное, меньше всего она ощущается в Сибири. Она есть, хотя не настолько серьезна и глобальна.

Таким образом, самые серьезные проблемы у нас в центральном регионе и на Урале, там, где много предприятий ВПК. Ситуация волатильная на юге. И относительно стабильная ситуация в Санкт-Петербурге и Сибири.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Артур Аршамович привел очень интересные аргументы, на которые нужно обратить внимание руководителям соответствующих ведомств.

Я очень не люблю термин «реальная экономика», потому что вся экономика состоит из реальных секторов. Но это один из основных секторов , потому что он обеспечивает жизнь и быт людей.

Имея соответствующий масштаб и такое включение в экономику, здесь на практике ощущают возникшие проблемы.

Это означает, что это зеркало не только общего состояния уровня жизни, быта населения, но и всей не аффилированной с государством экономики, которая сегодня испытывает примерно одинаковые проблемы.

Очень интересный анализ. В ответах на вопросы это также проявляется. Спасибо большое.

Продолжим.

Дмитрий Борисович Кувалин, доктор экономических наук, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования микроэкономических процессов.

Прошу Вас, Вам слово.

ДОКЛАД 3

КУВАЛИН Д.Б.
д. э. н., заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, заведующий лабораторией анализа и прогнозирования микроэкономических процессов

Спасибо, Гарегин Ашотович.
Добрый день, коллеги!

Хотел бы сначала тезисно рассказать о положении наших предприятий. Анализ основан на данных анкетных опросов и углубленных интервью с топ-менеджерами различных российских предприятий.

Наша лаборатория проводит эти опросы уже 26 лет. Многие вопросы мы повторяем уже больше 20 лет, и поэтому у нас есть «длинные ряды».

Наблюдая за долгосрочными тенденциями, мы приходим к некоторым весьма любопытным выводам.

Как повлияли санкции на ситуацию в российской экономике с точки зрения российских предприятий?

Примерно от 60 до 70% предприятий сообщают, что они пострадали от санкций. Порядка 20–30% российских предприятий считают, что санкции их не затронули (Рисунок 8).

Получается, что санкции, конечно, вредны для нашей экономики, но они касаются не всех.

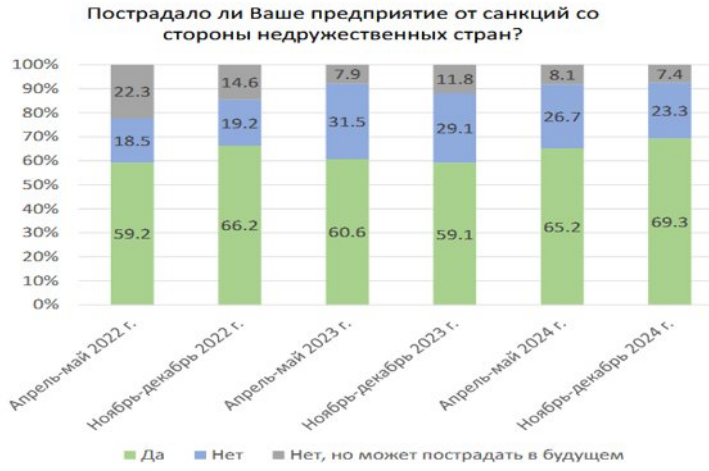

Рис. 8

Кстати, если сравнить влияние пандемии и санкций на положение наших предприятий, то влияние пандемии было более фронтальным. Как показали наши опросы, пандемия отрицательно повлияла на деятельность 70–75% предприятий-респондентов.

Российские предприятия отмечают как отрицательные, так и положительные последствия санкций.

Порядка 40–50% считают, что санкции носили сугубо отрицательный характер, но примерно 25–30%, а иногда и больше, полагают, что были как отрицательные, так и положительные последствия.

Положительные последствия – это возможность занять высвободившиеся на рынке ниши, активизировать действия по перестройке производства.

Какие проблемы, связанные с санкциями, наши предприятия считают наиболее острыми? (Рисунок 9)

Артур Аршамович об этом говорил. Чаще всего упоминаются трудности с получением импортного сырья, комплектующих и серьезное удорожание импорта.

Рис. 9

Одновременно наши предприятия обеспокоены ростом цен внутри страны, удорожанием кредитов, которое стало очень заметным с 2024 года. Раньше на это жалоб было меньше.

Падение платежеспособного спроса внутри России в качестве одного из последствий санкций упоминается реже.

Это связано с тем, что реальный платежеспособный спрос падал не везде и не всегда, кое-где даже наблюдался рост.

Все-таки санкции так или иначе чаще вредили нашим предприятиям, когда речь шла о внешних торговых связях.

Как наши предприятия реагировали на санкции?

Обобщая результаты наших опросов, я бы условно разделил методы адаптации к кризисным явлениям, связанным с санкциями, на активные и пассивные (Рисунок 10).

Пассивные методы адаптации – это сокращение инвестиций, урезание заработных плат, увольнение работников.

Активные методы адаптации – это поиски новых поставщиков, новых рынков сбыта, выпуск новых типов продукции, модернизация производства.

Рис. 10

Все эти три года активные методы адаптации явно преобладали над пассивными.

Гораздо чаще наши предприятия занимались поисками новых поставщиков и новых рынков сбыта, чем сокращали инвестиции, увольняли работников или урезали им зарплаты.

Более того, многие предприятия начали действия по перестройке производства.

Уже в начале 2022 года, когда возник шок, связанный с санкциями, примерно 15% предприятий занялись модернизацией производства.

В дальнейшем доля предприятий, которые адаптировались к санкциям, модернизируя производство, выросла примерно до трети.

Эти предприятия в какой-то мере поверили в себя, в свое будущее и решили, что ложиться и тихо умирать они не будут.

Это очень приятное, на мой взгляд, обстоятельство, которое во многом объясняет успехи российской экономики в борьбе с санкциями. А то, что эти успехи были, несомненно, несмотря на все сложности.

Как макроэкономические проблемы общего характера влияют на деятельность наших предприятий?

В последние годы, и об этом уже сегодня говорили наши уважаемые докладчики, на первое место вышла проблема нехватки качественной рабочей силы, качественных трудовых ресурсов (Рисунок 11).

Особенно острой она была где-то в конце 2023 – начале 2024 года.

Это, как известно, связано и с негативными демографическими тенденциями.

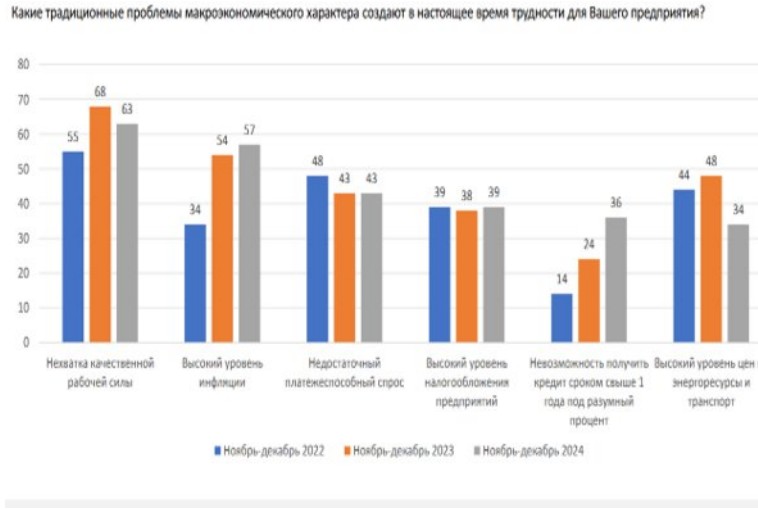

Рис. 11

В последние годы постоянно снижается численность молодежи, вступающей в трудоспособный возраст. Кроме того, есть, конечно, и отвлечение части трудовых ресурсов на СВО.

Но, правда, во второй половине 2024 года мы, и не только мы, зафиксировали некоторое снижение остроты дефицита рабочей силы.

С чем это связано, я пока объяснить не могу.

Может быть, уже началось какое-то охлаждение экономики и снижение темпов ее роста.

А может быть, наши предприятия как-то адаптировались к общей нехватке трудовых ресурсов, например, через повышение производительности труда и улучшение организации производства.

Эти вопросы требуют дополнительных исследований.

За последние полтора-два года наши предприятия начал сильно беспокоить высокий уровень инфляции.

Также наблюдается быстрый рост жалоб на невозможность получить кредит сроком свыше одного года под разумные проценты.

Доля таких жалоб выросла в три раза.

У нас есть данные, как менялись взаимоотношения между реальным сектором и финансовой сферой за 25 лет.

Там тоже все достаточно неприятно, если говорить о 2010-х, 2020-х годах по сравнению с 2000-ми.

Перейду к некоторым теоретическим обобщениям, отталкиваясь от жалоб российских предприятий на ухудшение взаимоотношений с финансовой сферой.

В чем заключаются противоречия современной российской макрофинансовой политики, которая непосредственно влияет на работу предприятий?

Первое противоречие, на мой взгляд, это слишком узкое толкование экономической неопределенности.

Если мы открываем, например, «Основные направления денежно-кредитной политики» Банка России за любой последний год, то видим вполне здравое размышление о том, что снижение инфляции нацелено прежде всего на уменьшение уровня экономической неопределенности в России.

Резонная постановка вопроса.

Но беда в том, что здесь регулятор ставит точку.

Однако инфляция – важный, но далеко не единственный элемент экономической неопределенности.

Резкие колебания курса рубля и ключевой ставки тоже существенно влияют на уровень экономической неопределенности.

Если инфляция снижается, но при этом происходят резкие скачки обменного курса и ключевой ставки, то общий уровень неопределенности в экономике как минимум не падает.

Возникает вопрос: коллеги, когда вы боретесь с инфляцией, чего вы все-таки добиваетесь? Где вы видите снижение экономической неопределенности?

А еще Минфин в 2025 году поднял налог на прибыль. Это тоже не способствует снижению экономической неопределенности.

Кроме того, мне кажется, что одновременное повышение ключевой ставки и налогов как-то очень сомнительно смотрится с точки зрения антициклической политики.

Наоборот, это очень похоже на проциклические действия.

Второе противоречие заключается в несоответствии между долгосрочной и краткосрочной логикой макрофинансовой политики.

Когда мы слушаем или читаем объяснения регулятора по поводу жесткой монетарной политики, звучит следующий тезис: да, в краткосрочной перспективе у предприятий будут сложности.

Но мировая экономическая история показывает, что в странах, где инфляция ниже, темпы экономического роста, измеренные за долгосрочный период, в итоге оказываются выше.

Поэтому, мол, мы ориентируемся исключительно на долгосрочные интересы российской экономики. Надо потерпеть, тогда и у нас в долгосрочной перспективе все будет хорошо.

Ну ладно, допустим, что Банк России здесь прав.

Но когда мы слушаем объяснение регулятора по поводу необходимости плавающего курса рубля, звучит совершенно иная логика: плавающий курс помогает экономике демпфировать краткосрочные шоки.

Позвольте, вы здесь за долгосрочные интересы – в ущерб краткосрочным, а здесь за краткосрочные – в ущерб долгосрочным?

Ведь если скачет обменный курс, то как предприятиям строить долгосрочные планы? Как-то надо определиться.

Мы строим макрофинансовую политику, ориентируясь либо на долгосрочные интересы, либо на краткосрочные.

Пока из тех документов и выступлений, которые мы слышим, сложно понять, как наши финансовые власти собираются устранять это противоречие.

Третье противоречие.

Меня очень смущают комментарии регулятора по поводу влияния монетарных процессов на экономическую динамику.

Мы постоянно слышим от представителей Банка России, что в России сейчас фактический выпуск превышает потенциальный и что вливание дополнительных денег в экономику при отсутствии свободных ресурсов не приведет к росту производства и инвестиций, а приведет только к росту цен.

Допустим, хотя это спорно. Но с другой стороны, тут же нам говорят, что экономика России сейчас перегрета, ее надо охлаждать. Темпы роста в 2023–2024 годах – слишком высокие.

Не буду называть фамилию высокого чиновника Центрального банка, но в его выступлении вот эти два взаимоисключающих тезиса содержатся на одной странице.

Вы определитесь, коллеги: дополнительное вливание денег в экономику не способно обеспечить рост производства или ведет к перегреву?

Это принципиально разные вещи.

Несколько слов про этот самый перегрев.

Мы на слово верим регулятору и представителям финансового блока Правительства, когда они говорят о перегреве.

Но, когда мы погружаемся в их материалы, очевидно, что они оценивают перегрев экономики с помощью двух-трех типов экономико-математических моделей.

Если посмотреть повнимательнее на эти модели, то видно, что они очень плохие с теоретической точки зрения.

Более того, Банк России использует худшую из этих трех моделей.

Они оценивают разрыв выпуска в российской экономике на основе статистических трендов последних лет.

Выше тренда – перегрев, ниже тренда – есть разрыв выпуска, и можно наращивать производство.

При таком подходе вопрос об объеме свободных производственных мощностей, который и определяет истинный разрыв выпуска, попросту игнорируется.

Что же получается?

Используемая Банком России модель не может оценивать ни влияние инвестиций, ни влияние структурных сдвигов, ни влияние шоков.

Эта модель не может оценивать даже влияние самой ДКП на разрыв выпуска.

Даже с теоретической точки зрения это смотрится очень спорно.

А с точки зрения здравого смысла это немного похоже на абсурд.

Выгляните в окошко, коллеги, посмотрите, сколько у нас прогуливающихся людей, которые работают, мягко говоря, не интенсивно, даже в Москве.

А если вы поедете на периферию, то увидите много квалифицированных людей, которые работают мало, потому что у них нет условий для высокопроизводительного труда.

В этих условиях всерьез говорить об абсолютном дефиците рабочей силы невозможно.

Можно говорить только об относительном дефиците труда, который устраняется с помощью инвестиций.

Что думают про макрофинансовую политику наши предприятия?

Динамика жалоб на удорожание кредита за последние три года была неравномерной. Весной 2022 года был экономический шок, и у нас действительно взлетела стоимость кредита (Рисунок 12).

Рис. 12

Но потом все более-менее стабилизировалось, и со второй половины 2022 года особых жалоб на доступность кредита не было.

Однако с конца 2023 года частота жалоб начинает быстро расти. Сейчас уже половина предприятий считают, что кредит для них малодоступен.

Рост жалоб на недоступность кредита – двух-трехкратный.

Это если говорить о более-менее краткосрочных тенденциях.

Вместе с тем хотел бы обратить особое внимание на более долгосрочные тенденции.

Если посмотреть «длинные ряды» начиная с конца 90-х годов, то выяснится, что в 2000-е годы, как минимум до 2008 года, быстро росло качество взаимоотношений между реальным сектором и финансовой сферой.

Российские предприятия сообщали нам, что их взаимоотношения с российскими банками улучшаются. Доля таких сообщений порой превышала 50%.

В то же время доля ответов о том, что взаимоотношения с банками ухудшаются, находилась в пределах статистической погрешности.

Наступил кризис 2008 года, и доля жалоб на плохое выполнение банками своих обязательств перед предприятиями резко выросла.

Но потом все это вернулось на разумный уровень. Некоторое ухудшение ситуации мы увидели в 2022 году, что тоже понятно.

Но мы видим эту же историю и в 2024 году, что уже гораздо менее понятно (Рисунок 13).

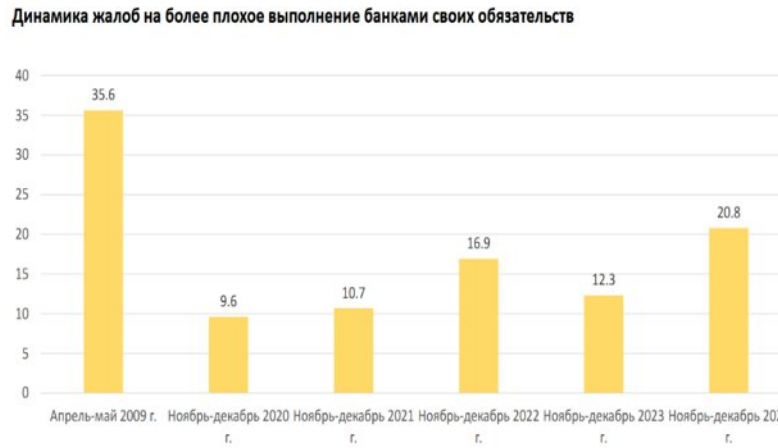

Рис. 13

Что случилось? Вроде бы экономика России растет быстрыми темпами.

Возникают вопросы к макрофинансовой политике.

Как получилось, что в условиях довольно высоких темпов экономического роста увеличивается количество жалоб на взаимоотношения с банками? Как выстроена макрофинансовая политика?

Еще один показательный пример – это динамика жалоб на умышленную задержку платежей со стороны банков. В 90-е годы эти задержки были в порядке вещей (Рисунок 14).

Но потом число таких жалоб упало до статистической погрешности. И вдруг в 2024 году мы возвращаемся практически на уровень начала 2000-х годов.

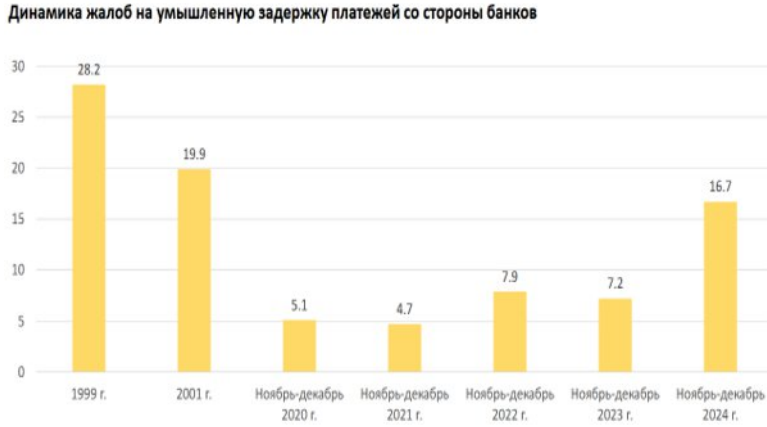

Рис. 14

Что происходит?

Вряд ли это можно считать нормальным процессом.

Третий момент особенно показательный.

У нас есть такой вопрос к предприятиям: в чем заключается ваше сотрудничество с банками?

Предлагается четыре варианта ответов:

– только расчетно-кассовое обслуживание;

– расчетно-кассовое обслуживание плюс кредитование «оборотки»;

– расчетно-кассовое обслуживание, кредитование «оборотки» плюс инвестиционные кредиты сроком на 1-2 года;

– все то же самое плюс долгосрочные инвестиционные кредиты.

В 2000-е годы доля предприятий, которые ограничивались расчетно-кассовым обслуживанием и не брали кредитов, была порядка 20–30%.

А доля предприятий, которые брали инвестиционные кредиты, к концу 2000-х – началу 2010-х годов повысилась до 30% (Рисунок 15).

Но в последние годы доля предприятий, которые перестали вообще брать какие-то кредиты (по их сообщениям, не берусь утверждать, что это абсолютно верно), стала превышать 50%.

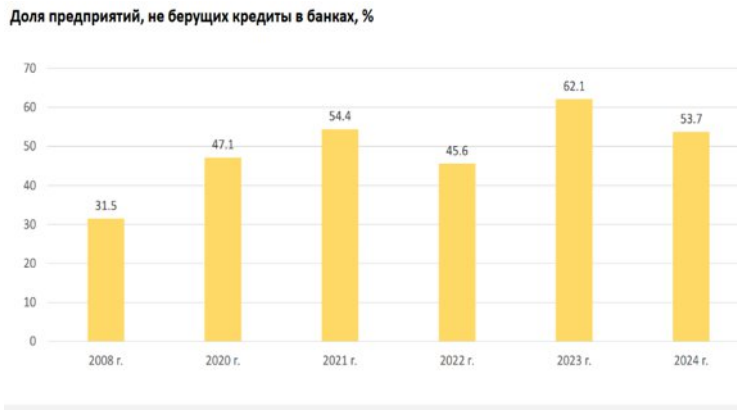

Рис. 15

При этом удельный вес предприятий, способных получить инвестиционный кредит, опустился ниже 20%.

Таким образом, если в 2000-е годы взаимодействие реального сектора и финансовой сферы однозначно улучшалось, и все данные на это указывали, то где-то между 2008 и 2014 годами все застопорилось.

А после 2014 года ситуация медленно, но верно ухудшается.

Снова есть вопросы к макрофинансовой политике.

Также, по нашим данным, быстро снижается доля предприятий, желающих ослабления курса рубля.

То есть политика наших финансовых властей, которая во многом заключается в том, что курс рубля не должен быть крепким, не находит особой поддержки у предприятий (Рисунок 16).

Рис. 16

Больше 40% предприятий выступают за стабильность курса рубля. Их доля в 10 раз больше, чем выступающих за его ослабление.

И еще примерно 40% респондентов хотят укрепления курса рубля. Надо все-таки еще раз подумать, какой курс рубля нужен, чтобы он более-менее удовлетворял большую часть субъектов, работающих в нашей экономике.

На вопрос о том, как влияет на российскую экономику политика высокой ключевой ставки, предприятия реального сектора отвечали следующим образом (Рисунок 17).

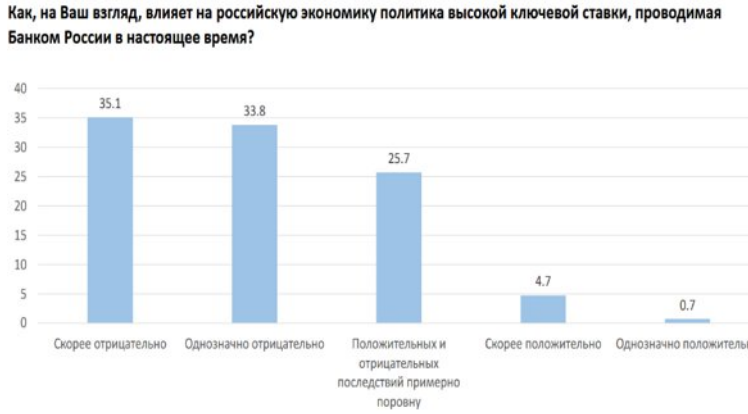

Рис. 17

Почти 70% считают, что она в той или иной степени влияет отрицательно.

Примерно четверть считает, что положительные и отрицательные последствия примерно одинаковы по масштабу. Положительно это влияние оценивают только 5% предприятий.

Конечно, можно говорить, что предприятия не понимают мудрых замыслов нашего регулятора.

Но тогда, коллеги, вы как минимум довольно плохо объясняете нашему реальному сектору смысл вашей политики, и поэтому наши предприятия не верят в ее благотворное влияние.

Даже если вы настаиваете на том, что ваша политика правильная, будьте добры, более четко объясните, в чем именно заключается положительная суть вашей макрофинансовой политики.

Спасибо за внимание.

Тосунян Г.А.: Спасибо большое, Дмитрий Борисович. Интересно.

Любопытно, что все три докладчика, будучи из разных систем (потому что первый – это Вышка и РСПП, второй – это солидный бизнес, третий – это представитель академического сектора), находятся примерно на одной волне, хотя и с разной аргументацией.

В этом и вся ценность.

Некоторые вопросы и ответы на них настолько очевидны… Как Вы правильно отметили, что если уж мы все вас - руководителей финансово-экономического блока - не понимаем, тогда будьте добры, объясните нам вашу глубоко мудрую политику.

Не такие мы тупые – представители всех сегментов экономики, науки и производства, что не можем ее понять. А вы знаете, но не говорите?

Как отмечалось в начале заседания, ЦБ во многих случаях либо прямым текстом говорит, что это обсуждать не будет, либо просто уходит от обсуждения.

Правда, с Ассоциацией российских банков ЦБ иногда пытается объясняться.

Конечно, мы за это бесконечно благодарны. В том числе на съезде Ассоциации мы выносим на обсуждение эту тему – проблему проинфляционной политики.

Надеемся услышать какие-то аргументированные комментарии и ответы представителей регулятора.

Это очень непростой диалог, при этом мы его ведем в очень уважительной тональности. Мы понимаем, что мы для регулятора в некотором смысле – люди со стороны.

Но для экономики мы не со стороны, мы – участники самого бизнес-процесса.

А если мы со стороны, имея в виду, что мы – не в Центральном банке, нам не легче его критиковать, потому что мы вне. Нам просто со стороны лучше видны потребности потребителей.

И Центральный банк должен объективно воспринимать эту критику. В ней нет желания унизить, обидеть или просто покритиковать. А есть желание понять, что надо делать, чтобы изменить ситуацию на рынке.

Мы по-своему правы; Центральный банк, может быть, тоже по-своему прав.

Но в таком случае мы хотели бы услышать его детальную, обстоятельную аргументацию.

Хотя, возможно, ЦБ является заложником той экономической политики, на которую он повлиять не особо может.

Павел Алексеевич, прошу Вас.

Медведев П.А.: Дмитрий Борисович, спасибо за выступление.

Вы говорили о необходимости стабильного валютного курса.

Думаю, что в этом случае, как и во многих других, вопрос не в принципе, а в мере.

В какой мере стабильность, по Вашему мнению, является желательной?

Накануне кризиса 1998 года доллар стоил 6 рублей. Должен ли был Центральный банк сохранить такой курс до сегодняшнего дня? Или все-таки какие-то подвижки были необходимы?

Если исполнится Ваше пожелание, курс станет стабильным, будут ли доллар и другие валюты в свободной продаже по стабильному курсу?

Или как при советской власти, курс будет сам по себе, а отсутствие возможности купить валюту – само по себе?

Спасибо.

Кувалин Д.Б.: Спасибо за вопрос.

На самом деле я транслировал свое выступление в основном с позиции наших предприятий.

Что касается моей личной точки зрения.

Конечно, стабильность курса рубля не может быть абсолютной.

Когда его в 90-е годы использовали как так называемый ценовой якорь, это тоже было крайне неудачным решением.

Но в любом случае курс должен быть более предсказуемым.

Я не очень понял для себя, что произошло в 2014 году, когда перешли к так называемому плавающему курсу рубля. Но до 2014 года у нас вроде никакого коммунизма не было, а курс рубля был более предсказуемым. Это в некотором смысле снижало экономическую неопределенность.

Опыт последних лет показал, что Банк России, когда хочет, с помощью собственных усилий может довольно сильно поправить курс.

Опять же, было всегда неясно, когда он захочет это сделать, а когда он этого делать не будет.

Не были до конца ясны мотивы, по которым он это делал. Но учитывая, что все-таки определенные рычаги воздействия у Банка России на курсовую динамику есть, сделать изменения более плавными точно в его силах.

Не говорю, что, когда снижается профицит торгового баланса, надо изо всех сил держаться за курс рубля. Можно определить набор критериев, в соответствии с которыми будем смещать курсы рубля туда или обратно. На этот счет есть мировой опыт.

Затрудняюсь сказать, но, наверное, только довольно маргинальные страны со сложной экономической ситуацией имеют столь же высокую волатильность курса национальной валюты.

Остальные как-то с этим борются, обеспечивают предсказуемость курсовых колебаний.

Есть довольно много инструментов, в том числе у регулятора.

Это предмет для долгой дискуссии.

И я отнюдь не выступаю за абсолютную стабильность курса, а только за большую предсказуемость этого курса.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Павел Алексеевич, Вы задаете провокационный вопрос.

Естественно, никто не предполагает фиктивную декларативную стабильность курса рубля. Мы это прекрасно понимаем.

Конечно, было бы хорошо, если бы курс рубля можно было жестко привязать к стоимости наиболее устойчивых и котируемых иностранных валют, чтобы он действовал на рынке, а не фиктивно декларировался, как в Советском Союзе.

Речь идет о том, чтобы не предпринимать шагов, которые заведомо способствуют нестабильности рубля, регулярно обрушивают его, провоцируют его высочайшую волатильность.

Речь идет об этом, а отнюдь не о том, что действительно будет абсолютная стабильность рубля.

Просто надо уметь уважать собственную валюту и принимать соответствующие меры, которые этому способствуют. И не принимать меры, которые явно разрушают ее стабильность.

Не буду отвечать более подробно по поводу 6 рублей за доллар в 1998 году.

Если бы не было государственных казначейских обязательств, которые на себя брало государство, а потом от этих обязательств безответственно отказалось, не было бы очередного сокрушительного обвала национальной валюты.

Никто не говорит, что в этом случае рубль должен был оставаться фиктивно 6 рублей, поддерживаемый ограничением покупки и продажи валюты на рынке.

Речь идет о том, что не надо было действовать таким образом, чтобы подвести экономику к четырехкратному искусственно созданному обвалу, который произошел тогда из-за безответственной денежно-кредитной политики.

Медведев П.А.: Гарегин Ашотович, я ровно так и задал вопрос – о мере стабильности, а вовсе не об абсолютной стабильности. Спасибо.

Тосунян Г.А.: Коллеги, вопросы.

Все три доклада действительно связались в одно целое.

Возникает вопрос: насколько Россия действительно подвержена резким валютным колебаниям? Хотя мы и не являемся абсолютными лидерами в этом, болезненность таких скачков неоспорима.

В связи с этим хотелось бы уточнить информацию о возможных изменениях в методиках подсчета макроэкономических показателей, таких как инфляция и ВВП. Поступили сведения, которые требуют проверки, о том, что подобные изменения могли произойти в конце прошлого века, примерно после 1970-х годов.

Различия в методиках по странам делают сравнение показателей крайне сложным. Старые методы были неэффективны и архаичны, напоминая устаревшие переписи.

Главный вопрос, вероятно, в следующем: является ли болезнь сна и общения (когда люди теряют потребность в социальной мимикрии) причиной их неспособности договариваться?

Я – генетик по образованию. Это немного меняет мое личное мнение, что тут причины прежде всего генетические. Конечно, никто ничего объяснить вам не может, вы сами скорее найдете нужную информацию.

Спасибо вам большое, очень интересно.

Да, вы – подвижники, вы – герои. Вы даете модель для всего мира, как надо выживать.

Тосунян Г.А.: Спасибо.
Наша страна в этом смысле героическая.

Академик Иванова Наталья Ивановна.
Пожалуйста.

Иванова Н.И.: Большое спасибо за доклад.

У меня вопрос к Дмитрию.

Скажите, пожалуйста, относительно качества Вашей выборки. Нет ли там какого-то отраслевого смещения в сторону оборонных или других предприятий, которое могло бы повлиять на результаты опросов?

Может быть, в опросе участвовали помимо оборонных предприятий и другие, которые находятся в условиях более мягкого или более жесткого отношения к текущей денежной политике?

Спасибо.

Кувалин Д.Б.: Спасибо за вопрос, Наталья Ивановна.

Сразу Вас успокою.

В 2022 или в 2023 году, точно не помню, прошел ряд циркуляров по предприятиям оборонно-промышленного комплекса. Им было запрещено участвовать в различного рода опросах. Если мы сейчас и пытаемся с кем-то связаться, нам отвечают отказом.

Впрочем, я не могу сказать, что у нас нет выборки по предприятиям «оборонки». Дело в том, что многие с нами уже больше 20 лет.

Они знают, что мы публикуем только обобщенные результаты, и никаких плохих последствий от их участия в опросах не будет.

Поэтому предприятия оборонного комплекса, конечно, в нашей выборке есть, но их относительно мало, даже меньше, чем было в более ранних опросах.

Что касается качества самой выборки.

Она неплохо смотрится как с точки зрения отраслевой и региональной представительности, так и с точки зрения размерности предприятий.

У нас охвачено порядка 50–60 субъектов Российской Федерации. Представлено большинство отраслей реального сектора, за исключением трех отраслей, которые практически никогда не отвечают на анкеты. Это газовая, нефтяная и угольная промышленность.

При этом родственные им черная и цветная металлургии отвечают на анкеты, а угольщики не хотят участвовать в опросах – не знаю почему.

Иванова Н.И.: Вам не кажется это серьезным?

Кувалин Д.Б.: Нет, выборку это, безусловно, перекашивает.

Конечно, у меня нет сомнений, что она смещена в сторону относительно успешных предприятий. Мы знаем, что предприятия, у которых дела идут относительно плохо, весьма неохотно отвечают на наши анкеты. Поэтому за абсолютные значения результатов наших опросов я точно не дам голову на отсечение.

Но поскольку мы исходим из предположения, что в течение всех этих лет наша выборка содержит примерно одинаковые отклонения, я утверждаю, что тенденции мы оцениваем верно.

Об этом я говорю с уверенностью.

Когда речь идет о долгосрочных тенденциях, основанных на наблюдениях за 3–5–10 лет, думаю, что наши выводы очень похожи на правду.

Куликов Н.И.: Дмитрий Борисович, не считаете ли Вы, что в сегодняшних условиях нереально добиться инфляции 4%, потому что ситуация поменялась?

Определяли этот таргет по инфляции в 4% в 2014 году.

Тогда была другая экономика, другая инфраструктура, было другое соотношение экспорта-импорта.

В нынешних условиях ВВП будет расти, потому что Правительство вынуждено направлять в экономику средства.

У нас идет СВО. В четырех присоединенных регионах мы должны отстраивать инфраструктуру, мосты, развязки и прочее. На это объективно требуются большие средства.

Поэтому говорить об инфляции в 4% просто не имеет смысла. Центральный банк может 20 лет обещать, что мы придем к этому. Если ситуация не поменяется, будут продолжаться боевые действия, будут отстраиваться эти новые регионы, мы никогда не достигнем этих 4%.

Я считаю, в нынешних условиях 7–8% инфляции были бы очень хорошим показателем.

В таком случае реальный сектор экономики будет плясать от радости, что появляются дополнительные деньги, пусть более дешевые.

Если в это время налоги не растут, бизнес вкладывается в инвестиции, модернизирует экономику, живем просто на загляденье.

Появятся дополнительные средства для расчетов, налоги и зарплаты не будут расти, а инвестиции вырастут, что позволит модернизировать экономику.

Кувалин Д.Б.: Спасибо за вопрос.

Напомню, что нам до сих пор никто не объяснил, почему инфляционный таргет 4%, а не 3, не 5, не 6, не 7.

Какие содержательные соображения под числом «четыре»?

Возможно, кому-то в Банке России понравилась красивая цифра, может быть, учитывались какие-то межстрановые сопоставления, но четких объяснений мы до сих пор не услышали.

Второе. Я согласен, что 4% – это явно заниженный инфляционный таргет для нынешней ситуации.

Мы несколько раз говорили сегодня о перегреве экономики.

Считаю, что особого перегрева экономики у нас нет. У нас происходят структурные сдвиги.

А структурные сдвиги, как показывает мировая экономическая история и наша собственная история, всегда сопровождаются повышенным инфляционным фоном. Это нормально. Особенно если инфляция не переходит в гиперинфляцию.

Куликов Н.И.: В двузначное число уже перешла.

Кувалин Д.Б.: Нет, даже двузначное число еще достаточно далеко от гиперинфляции.

Вспомните 2000-е годы. Тогда у нас при высоких темпах роста каждый год была двузначная инфляция.

Ничего, жили и работали вполне нормально.

Поймите меня правильно, я не за двузначную инфляцию, а просто привожу историческую аналогию.

Почему структурные сдвиги и инфляция – это хорошо сочетающиеся вещи?

Вспомним экономическую теорию.

Туда, где норма прибыли повышенная, происходит переток капитала.

Почему там повышенная норма прибыли?

Потому что цены в том секторе экономики растут быстрее. И тянут за собой вверх средние цены по экономике. Но потом, когда капитала там становится достаточно, а рынки насыщаются новой продукцией, темпы роста цен падают, и ситуация стабилизируется. Это нормальный процесс нахождения новой точки баланса в экономике.

Мне кажется, мы сейчас и находимся в стадии нахождения нового баланса. Кстати, я совершенно позитивно отношусь к опережающему росту оплаты труда наемных работников в нашей стране.

Вспомните, что 10–15 лет назад мы говорили о том, что у нас занижен уровень оплаты труда в стране, что повышать производительность при столь низкой оплате труда будет очень трудно.

Сейчас наблюдается повышение оплаты труда.

Перед Новым годом я был на четырех довольно заметных предприятиях Вологодской области.

Там такая ситуация. Везде за последние три года они подняли зарплату на 80–100%.

В результате у всех в два раза вырос выпуск продукции, при этом численность занятых не изменилась.

Иными словами, произошел рост производительности труда.

Конечно, он сопровождался определенной технологической модернизацией, но связь между ростом зарплаты и производительностью труда тоже очевидна.

Мне кажется, что пройдет несколько лет – и экономика сама найдет новую точку равновесия.

Инфляция снизится сама, без специальных мер по охлаждению экономики.

Самое плохое в том, что потом регулятор скажет: видите, мы экономику «дустом посыпали», а она выжила и нашла новую точку равновесия. Значит, мы все делали правильно.

Тосунян Г.А.: Простите, Дмитрий Борисович.

Никто не возражает против роста оплаты труда, тем более что у нас и так очень низкий уровень оплаты труда, из-за этого – низкий уровень жизни.

Речь идет о том, что когда мы оцениваем последствия, факторы, влияющие на инфляцию, то мы в том числе указываем рост оплаты труда в тех местах, где на самом деле с производительностью это не очень связано, а связано с другими факторами, которые здесь назывались.

Поясняю, чтобы не было иллюзий, что кто-то возражал против роста оплаты труда.

Кувалин Д.Б.: Гарегин Ашотович, я только хотел сказать, что это и есть один из структурных сдвигов, который можно считать благоприятным.

Тосунян Г.А.: Коллеги, кто хотел бы еще высказаться? Можно по всем трем докладам.

Пожалуйста, профессор Василий Васильевич Куимов, Сибирский университет.

КУИМОВ В.В.
д. э. н., профессор кафедры торгового дела и маркетинга
Сибирского федерального университета

Спасибо.

Прежде всего я хотел сказать огромное спасибо докладчикам, в их выступлениях был удивительно интересный и глубокий анализ.

Уважаемые докладчики, сегодня вы отчетливо показали, что на изменения, которые происходили в новую технологическую эпоху, реакция была, и она анализировалась с традиционных индустриальных позиций.

Мы услышали о ставках, о поддержке государства, о традиционном подборе партнеров, поиске кадров и так далее.

Надо сказать, что с позиций новых подходов к развитию, связанных с концепцией индустрии 4.0 или китайской логикой «Цифровая индустриализация. Индустриальная цифровизация», базовыми направлениями развития считаются экосистемность, технологизация, сервитизация и платформенная цифровизация, с опорой на клиентский (потребительский) опыт и институциональную поддержку государства и сообществ.

Как видно, эти направления существенно отличаются от того, что сегодня звучит.

Эти направления формируют основные изменения, которые дают новые результаты, показанные в исследованиях основных консалтинговых мировых компаний.

Они свидетельствуют о том, что наибольшим потенциалом этих новых направлений обладают США и Китай.

Я не говорю о Тайване, о некоторых других странах.

Анализ показывает, что новый этап развития, в том числе в парадигме индустрии 4.0, выстраивается на основе экосистем: техно-промышленных экосистем, взаимодополняющих техно-экосистем и тому подобное.

С этой точки зрения, на мой взгляд, мы, ученые, виноваты в том, что ни Правительству, ни лицам, принимающим решения, мы не показали на основе глубоких исследований, что пора выстраивать развитие экономики и социальной сферы с этих новых качественных позиций.

В Китае и США это активно делается.

Например, Китай сформулировал задачу – в ближайшие три года создать метаэкосистему развития, в которую войдет 1,3 млрд партнеров.

Это их бизнесы, построенные как согласованные смарт-бизнесы с использованием искусственного интеллекта.

Они создают абсолютно новые процессы в парадигме этих названных направлений достижений качественного развития.

В том числе, как показывает наш анализ, в экосистемных крупных форматах появляются если не новые законы, то уж точно новые закономерности в развитии экономики.

Эта синергия дает хорошие результаты.

Этого, к сожалению, ни сегодняшнее Правительство России, ни мы с вами, ученые, не учитываем.

Хочу еще раз обратиться к опыту Китая.

Меня многое в нем восхищает.

Третий пленум ЦК КПК, состоявшийся в июле 2024 года, заявил, что руководство Китая «когнитивно осознало принципы новой экономики и приступает к ее реализации».

Под этим понимаются как раз те метасистемы, о которых я говорил, и многие другие направления, в частности, скоординированные экосистемы, смарт-бизнесы и использование искусственного интеллекта для координации всего, что может быть.

Совершенно явно просматриваются два важных тренда, которые возникли после ковида.

Во-первых, это ускоренное становление платформенных экосистем, и второе – соподчиненные цепочки обеспечения поставок.

Об этом заявил бывший советник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан.

Это начало реализовываться в США.

Конечно, это делает сейчас и Китай.

Российские производители должны учитывать эти тренды и формировать свои или входить в эти новые, соподчиненные, по существу, двум государствам, цепочки поставок и создания ценности в целом.

Во втором докладе было подчеркнуто, как трудно выживать промышленникам, если нет этой поддержки из координированных цепочек и некоторых взаимозависимых цепочек поддержки.

Печально говорить, но анализ 19 национальных проектов, на реализацию которых запланированы просто гигантские деньги, показывает, что в них также не предусматривается этой координации, согласованности между собой и новых форматов их реализации.

Складывается впечатление, что будут закрепляться старые подходы, не дающие современной эффективности в развитии.

Наверное, надо все-таки нам, ученым, развернуться к новому и начать работать над продвижением базовых основ нового развития, а не консервировать старое.

Итак, главными направлениями нового развития являются экосистемность, технологизация, сервитизация и платформизация на цифровых основах и новые отношения в глобальных цепочках поставок.

К сожалению, ни в докладах, ни в практике современных действий, ни у Правительства, ни в бизнесах, ни в банках, которые пытались найти какие-то решения для спасения от различных санкций в новом формате, это не проявилось.

Возможно, какие-то мои выводы чуть расходятся с вашими взглядами, но считаю, что об этом стоит говорить.

Благодарю вас.

СЕНАТОРОВ М.Ю.
д. т. н., член экспертного совета по научно-технологическому развитию и интеллектуальной собственности при комитете Государственной думы РФ по образованию и науке

Добрый день!

Спасибо большое за очень интересный семинар.

Хотел бы продолжить по поводу внедрения новых технологий, о чем говорил коллега Куимов.

Мы занимаемся развитием определенных технологий, связанных с обобщением экономических и производственных результатов, сведением их в единую платформу и выработкой наиболее оптимальных решений для предприятий.

Это было продемонстрировано во время моей работы в ЦБ, когда мы использовали эти решения для контроля и управления платежной системой. Она была очень большая и показала свою эффективность.

Уже 15 лет мы развиваем этот подход.

В основном работаем с крупными предприятиями, которые имеют достаточно хороший уровень цифрового развития. Преимущественно сосредоточены на нефтегазовой и горнодобывающей промышленности, на железнодорожном транспорте.

Все эти новые технологии требуют прозрачности в производстве, прозрачности в экономике, прозрачности во всех взаимоотношениях с партнерами.

Поэтому, когда мы предлагаем эти технологии компаниям с государственным участием, мы получаем отказ. Они не заинтересованы во внедрении этих технологий.

Вторая группа наших партнеров – это частные компании.

Но если в частных компаниях владельцы не участвуют в управлении бизнесом, а отдают все на откуп своему менеджменту, те тоже не заинтересованы в новых технологиях.

Заинтересованы только частные компании, у которых владельцы непосредственно участвуют в бизнесе. Они видят прозрачность своего бизнеса, получают информацию, не искаженную человеческим фактором, а реальную, которую собирают цифровые системы.

На основе полученных данных они могут понимать, как повышать эффективность своего производства сейчас и в перспективе.

Приведу пример.

Есть такое приложение – «Дистанционный контроль производственной безопасности». Казалось бы, производственная безопасность присутствует везде.

Но использование современных подходов дает минимум на 10% повышение производительности труда и выпуска продукции просто потому, что сокращаются простои предприятия.

Почему государственные компании не заинтересованы в этом?

Почему не заинтересованы компании, где бизнесом управляют только менеджеры?

Но заинтересованы предприятия, где бизнесом управляют владельцы.

Парадокс? Нет, не парадокс.

Потому что теневая экономика, которая у нас существует на первых группах, имеет очень большое влияние.

На этом я закончу.

Спасибо.

МЕДВЕДЕВ П.А.
д. э. н., проф.

Спасибо большое.

На наших заседаниях много раз обращалось внимание на то, что в экономике огромную роль играет психология, настроение людей.

Действительно, это так.

Общественное мнение, общественное настроение – против Центрального банка.

Здесь было сделано несколько замечаний по поводу того, что ЦБ толком не объясняет свою политику и тем самым провоцирует негативное к себе отношение. Это, безусловно, правда, и это очень существенная ошибка ЦБ – может быть, роковая.

Конечно, высокая ключевая ставка шокирует людей.

Ее величина – это первое, что бросается в глаза при решении вопроса о взятии кредита.

Хотя на самом деле люди платят за кредит не процентную ставку, а произведение процентной ставки на долг. Психологически человек этого не замечает. Он требует снижения процентной ставки, чтобы деньги подешевели.

Люди добились этого при ипотечном кредитовании, деньги подешевели.

В чем проявляется дешевизна денег? В том, что товары относительно денег стоят дорого.

Процентная ставка в ипотеке уменьшилась, а произведение увеличилось в два раза.

Люди сейчас платят по ипотеке в два с лишним раза больше и на 15–20% дольше, чем до того, как им удалось добиться этого «счастья» – низкой процентной ставки.

Для чего мы хотим иметь низкую ставку? Сегодня об этом было сказано много раз. Для того, чтобы бизнес мог взять дешевые деньги в кредит и на них развивать себя.

Спрашивается, а почему бизнес не использует бесплатные деньги?

В своей вступительной речи Гарегин Ашотович сообщил, что на 1 января 2025 года в банках находилось более 61 триллионов бизнесовых денег. От себя добавлю, что из них 40 триллионов с лишним – это деньги, которые лежат на долгих депозитах.

Почему эти деньги не используются для капиталовложений?

Сумма этих денег всегда, а не только сейчас, превосходит годовые инвестиции в основной капитал в полтора, и иногда и в два раза.

Так почему они не используются?

Спасибо.

НИГМАТУЛИН Р.И.
акад., д.ф.-м.н., научный руководитель Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН

Приведу некоторые цифры по поводу эффективности наших инвестиций.

Один из важнейших источников инфляции – это инвестиции.

Если вы вкладываете деньги в строительство какого-то завода и строите его 40 лет, то это практически чистая инфляция, товарного прироста нет.

Кстати, у нас капиталоемкость (доля ВВП, затрачиваемая на инвестиции) равна 20%, то есть такая же, как в большинстве развитых стран: США, Германии, Польше, в которых рост экономики не является критичным, как для России, где значительная часть населения живет бедно, если оценивать по европейским стандартам.

А в Китае – 40%, в Южной Корее, Турции, Индии – 30%, и там бурное развитие.

Поэтому для преодоления бедности нам необходим рост экономики за счет прироста инвестиций.

Мы с моим братом, членом-корреспондентом РАН Булатом Нигматулиным, предложили рассматривать эффективность инвестиций, а именно коэффициенты эффективности $\overline{\ }_C$ и неэффективности $\overline{k}_C$ инвестиций.

Первый – отношение относительного прироста ВВП $\overline{G}$, а второй – отношение увеличения потребительских цен (инфляции) $\overline{\Phi}_H$ к относительному приросту инвестиций $\overline{C}$ за время с года t_0 до года t:

$$\bar{}_C = \frac{\bar{G}}{\bar{C}}\ ,\ \bar{k}_C = \frac{\bar{\Phi}_H}{\bar{C}}$$

$$\bar{G} = \frac{G(t) - G(t_0)}{G(t_0)},\ \bar{\Phi}_H = \frac{G_H(t)}{G_H(t)},\ \ \bar{C} = \frac{C - C(t_0)}{C(t_0)},$$

где $G_H(t)$ – потребительская часть ВВП в году t по ценам начального года t_0.

В таблице для периода с t_0 = 2008 г. до t = 2023 г. приведены значения $\bar{C}$, $\bar{G}$, $\bar{\Phi}_H$ вместе со значениями эффективности $\bar{}_C$ и неэффективности $\bar{k}_C$ инвестиций для России, Польши, США и Китая

	Россия %	Польша %	США %	Китай %
$\bar{C}$	37	49	45	116
$\bar{G}$	18	51	31	106
$\bar{\Phi}_H$	110	54	35	31
$\bar{}_C$ эффективность	0,49	1,04	0,69	0,91
$\bar{k}$ФН инфляционность	3,0	1,1	0,78	0,27

В таблице показано, что из рассматриваемых четырех стран в России самый малый прирост инвестиций ($\bar{C}$ = 37%), который на 32% меньше, чем в Польше, и ***в 3 раза меньше***, чем в Китае.

В России прирост ВВП ($\bar{G}$ = 18%) почти ***в 3 раза меньше***, чем в Польше, и ***в 6 раз меньше***, чем в Китае.

При этом в России самая маленькая их эффективность ($\bar{C} = 0{,}49$), которая ***в 2,1 раза меньше***, чем в Польше, и ***в 1,9 раза меньше***, чем Китае.

При самом низком приросте инвестиций, в России они аномально неэффективны, что характеризуется их инфляционностью $k\Phi$.

Эта инфляционность в России ***в 2,7 раза больше***, чем в Польше, и более чем ***в 10 раз больше***, чем в Китае.

Таким образом, за рассматриваемые 15 лет (2008–2023) на каждый процент прироста инвестиций годичная потребительская инфляция в среднем равнялась $\bar{k}\Phi_{\text{Н}} = 3\%$, что с учетом эффективности показывает, что на каждый процент роста ВВП годичная потребительская инфляция в среднем равнялась

$$\frac{\bar{\Phi}_{\text{Н}}}{\bar{G}} = \frac{\bar{\Phi}_{\text{Н}}}{\bar{C}}\frac{\bar{C}}{\bar{G}} = \frac{\bar{\Phi}_{\text{Н}}}{\bar{C}}\frac{1}{C} = 6{,}1\%.$$

Центральный банк борется с инфляцией только с помощью высокой процентной ставки, снижая прирост инвестиций, а тем самым и рост ВВП.

Но это путь без перспективы.

ЦБ должен еще сказать президенту и обществу, что экономикой управляют неэффективные люди: сколько ни вложишь – сразу большая инфляция.

Поэтому, прежде чем инвестировать в экономику и обеспечить экономический рост, нужно в ней навести порядок и сменить блок управленцев.

МОСКОВКИН Л.И.

Хотел сказать про скоординированные цепочки и экосистемность.

Вчера в Совете Федерации заместитель председателя Правительства Дмитрий Патрушев ставил ту же проблему, но не так развернуто.

Вы сформулировали более четко.

Удивительно, но факт: еще до 1967 года, когда эти перспективные разработки были насильственно остановлены в СССР, Виктор Глушков создал для Украины уникальную общегосударственную автоматизированную систему учета и обработки информации (ОГАС).

Сегодня, когда все это разрушено, его гениальные идеи процветают в Китае и США.

А у нас, к сожалению, нет ничего подобного – нет единой системы, которая могла бы стать основой для развития.

Интересно, есть ли шанс возродить подобное сегодня?

Про неэффективность экономического блока.

Для достижения своих целей они великолепно эффективные. Вы сами об этом говорили.

Спасибо большое.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Владимир Смолин, пожалуйста.

СМОЛИН В.С.
научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН

Добрый день!

Очень интересно было послушать все доклады.

Понимаю, что в банковской сфере речь идет про деньги. Но хотелось бы, чтобы все-таки больше обращали внимание на баланс. То есть не только курс валют и ставка Центробанка влияют на рост экономики.

Представление, которое превалирует среди экономистов и банкиров, отчасти верно, если вы правильно вложите деньги. За деньги мы купим все и сделаем все как надо.

А все-таки не цифровые преобразования и эффективная банковская политика приводят к росту экономики, а рост производительности труда.

Если банковская политика будет построена таким образом, что будет расти производительность труда, наверное, наше государство начнет процветать.

Как вы понимаете, пока что этого, мягко говоря, не произошло.

Зачем мы будем говорить о том, что предложить Набиуллиной, как ей надо действовать?

Может быть, она лучше нас знает о том, что Центробанку надо сделать для государства, чтобы повысить рост производительности труда?

Все специалисты в своей области, но в первую очередь важно, чтобы была обратная связь.

Тут неоднократно намекали, что хороших идей много, но Правительство их не слышит.

Вопрос еще в том, что проблемы, которые есть не только в нашей, но и в каждой сфере, надо решать комплексно.

Говорят, что разрушено то, что создано академиком Глушковым. Не соглашусь.

Сейчас все это, и даже заметно большее, есть.

Только вчера был на семинаре, где рассказывалось про BricksPay (единая платежная система стран БРИКС), которая у нас разрабатывается. Другое дело, что есть проблемы с ее внедрением, поскольку нет обратной связи с Правительством.

Необходимо давать больше власти регионам, потому что когда из центра им даются общие указания, как поступать, то это, как правило, бывает неэффективно.

Выигрыш не только Китая, но и Америки в том, что у них в каждом штате свои законы. Каждый законодатель в своем штате понимает, что изменение закона в худшую сторону приведет к экономическому оттоку производства и предпринимателей из штата.

Поэтому там обычно заботятся о том, чтобы этого не произошло.

А когда у нас принимается сразу единый центральный закон на всю страну, хорош он или плох, все обязаны его выполнять.

Это не дает хороших результатов, особенно если закон принят без учета мнения науки и практиков.

Мы понимаем, что сейчас в этом вопросе критическая ситуация.

Проверка законов должна идти на каких-то реальных объектах, отдельных регионах, а потом уже оценивать полезность распространения на всю страну.

Сейчас получается, что человек, близкий к власти, принимает, а иногда и «продавливает» какой-то закон без учета баланса интересов и практической проверки успешности предложенных решений.

И это приводит к тем результатам, которые мы наблюдаем.

Это все, что я хотел сказать.

Спасибо.

ЦЫКОРИН Н.Н.
начальник центра оценки ФГБУ «ФАПРИД»

Уважаемые коллеги, добрый день!

Огромное спасибо за детальный разбор текущей ситуации.

Хотел сказать про технологический уровень и рывок Китая. Он существует не просто в виде закрепленных важнейших документов на уровне КПК, а реализуется практически.

Все, что там происходит, это примерно как если бы мы вышли на встречу с китайскими коллегами с луком и стрелами, но увидели вместо доброго рукопожатия что-то в виде станкового пулемета.

Это про технологический рывок.

Коротко можно описать все, что происходит у наших добрых соседей, одним коротким предложением: «Один для всех, и все для одного».

Крупные компании, которые раньше стартовали с уровня малого-среднего предпринимательства, сейчас не просто видят друг друга, а они системно взаимодействуют в проектном смысле.

Попробуем спроецировать на нашу ситуацию.

В России крупные государственные корпорации совместно занимаются реализацией какого-то крупного проекта, но после того, как он сделан, все расходятся.

Никакого дальнейшего взаимного обмена и взаимного усиления.

В Китае же идет платформенное взаимодействие, когда не просто масштабируется уже готовое, охраняемое законом высокотехнологичное решение, а характеристики продукта по техническим свойствам и сфере его применения расширяются.

Буквально месяц назад Китай выпустил ролик, где в электромобиль, не буду называть компанию, уже интегрирован дрон, который взлетает.

Дрон сделан другой крупной корпорацией Китая.

Если нет, например, спутниковой и сотовой связи, дрон разведывает территорию, возвращается обратно, и все это отражается на дисплее автомобиля.

Если бы у нас в России сейчас появилось желание не просто закреплять на уровне важных документов, а физически начинать обмениваться технологиями и усиливать друг друга, в частности, и в банковском секторе с поддержкой Центрального банка и других важных федеральных органов исполнительной власти, мы могли бы конкурировать на мировом рынке, в том числе и финансовых услуг.

Пока о таком нам остается только мечтать.

Спасибо.

Тосунян Г.А.: Спасибо.

Коллеги, будем завершать. Думаю, кто хотел – высказался, состоялось довольно серьезное обсуждение.

Поэтому давайте подводить черту.

Пожалуйста, академик Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович, сопредседатель нашего Совета.

Вам слово.

Гусейнов А.А.: Спасибо, Гарегин Ашотович. Спасибо за хороший семинар.

Вы, пожалуйста, завершите его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТОСУНЯН Г.А.
акад. РАН

Спасибо, Абдусалам Абдулкеримович.

Начну с того, что еще раз подчеркну действительно очень серьезный и высокий уровень всех докладов.

Обращу внимание на некоторые тезисы.

Коллеги высказывались по поводу перегрева экономики.

Я тоже не могу понять, откуда взялся такой страх о перегреве нашей экономики, потому что экономика перегрета, когда кризис перепроизводства, когда зашкаливает потребительский спрос, когда избыток инвестиций, когда чрезмерно интенсивный рост в какой-то отдельной отрасли нарушает общую гармонию и общий баланс.

Андрей Юрьевич говорил о сверхагрессивной политике Центрального банка по поводу строительного бизнеса.

Не совсем понимаю, зачем она – агрессия – нужна в этом направлении.

Строительный бизнес либо идущая за ним ипотека значительным образом стимулируют и развивают другие отрасли.

Постоянные страхи и сдерживание развития одного из важнейших сегментов – и я приводил наглядный пример – действительно вызывают удивление.

Никаких вразумительных аргументов в пользу своих страхов мы от Центрального банка не слышали.

И вообще, когда Центральный банк заявляет, что что-то не готов обсуждать: денежно-кредитную политику, ключевую ставку или свои необоснованные стремления сдерживать тот или иной сегмент экономики, – это вызывает серьезные вопросы.

Немного нарушу последовательность выступлений и обращусь к тому, о чем говорил уважаемый Роберт Искандерович.

Совершенно не согласен с тем, что источником инфляции являются инвестиции.

Даже если это инвестиции 30–40-летней давности, они никак не являются источником инфляции.

Да, впоследствии они, частично в виде заработной платы, выходят на рынок, но в первую очередь они капитализируют эти средства в конкретном, пусть и будущем производстве.

Вложенные 20, 10 или 5 лет назад инвестиции сегодня дают свой результат в виде производства, в виде товара.

А вложенные сегодня – дадут результат через 5 лет.

Рост производительности труда.

Тоже хотел сказать, что никто не противопоставляет финансовые инструменты и рост производительности труда.

Безусловно, финансовые инструменты очень чутко реагируют на соответствующие потребности, производств и обеспечивают их, способствуя росту производительности труда.

Это некие азбучные истины, которые можно многократно повторять, но сейчас не будем.

Продолжая свой комментарий к докладам, должен отметить, что Артур Аршамович говорил о ключевой ставке, подчеркивая, что от нее существенно зависит активность компании.

Я хотел бы сделать особый акцент на этом тезисе.

При высокой ключевой ставке, за которой следуют высокие процентные ставки по кредитам, безусловно, активность компаний снижается.

Важно, что это говорит не теоретик от науки, оторванный, далекий от бизнеса, а человек-практик, который понимает и чувствует собственные мотивы и мотивы своих коллег по рынку.

В этих условиях страдают наиболее активные компании и убивается мотивация думать о развитии.

Это тезис Артура Аршамовича.

ЦБ должен понять, что невозможно при ставках по кредитам в 20–30–40 и более процентов развивать бизнес.

А без кредитования бизнес будет развиваться совершенно другими темпами.

Хорошо, если отдельные предприятия будут инвестировать хотя бы собственные средства. Но дело в том, что в этих условиях мотивация и на инвестиции тоже приглушается.

Также хочу обратить внимание на оборудование.

80% оборудования – импортное.

Какие решения принимает бизнес в этой ситуации?

По словам Артура Аршамовича, один из самых показательных факторов – это «серый» импорт, который замещает реальный импорт.

Он еще очень красиво раскрыл китайский источник, восхищаясь их темпами производства.

Кстати, на следующей неделе мы будем рассматривать тему коррупции в Китае, и я предлагаю будущим докладчикам и участникам дискуссии поразмышлять над таким провокационным вопросом.

В Китае очень специфическая коррупция, как я понял из некоторых более ранних обсуждений.

Полностью исключить коррупцию из экономики в Китае кажется невозможным в силу психологических причин и многотысячелетних традиций.

Если китайская специфическая коррупция способствует столь бурному развитию экономики, спрашивается: как относиться к такой коррупции?

Может быть, какая-то разумная коррупция оправдана?

Или в силу своей аморальности она категорически недопустима ни при каких обстоятельствах?

Это серьезный вопрос!

Возвращаясь к нам.

Благодаря Китаю мы каким-то образом решаем свои проблемы.

Но это само по себе ненормально, когда оборудование российских предприятий на 80% – импортное.

Роберт Искандерович требует долгосрочных инвестиций и их стимулирования в первую очередь от собственных инвесторов, чтобы они не уходили инвестировать в другие страны.

Желательно, чтобы наоборот, другие страны готовы были инвестировать в нашу страну на развитие производства.

О мерах по охлаждению экономики.

Опять сошлюсь на Артура Аршамовича.

Меры по сдерживанию экономики действительно дали свои результаты. В определенных сегментах , особенно там, где речь не идет о государственной поддержке, о государственных программах, она дошла уже до состояния, близкого к нулю.

Когда мы показываем состояние банковской системы, мы не считаем, что все внимание экономики должно быть сконцентрировано только на банковском секторе. Но он ярко показывает общую ситуацию в экономике по отраслям, с одной стороны, и по территориям – с другой.

По регионам общая ситуация охлаждения банковского бизнеса с сокращением банков, работающих на местах, и банков, работающих с местным бизнесом среднего уровня, показывает следующее.

В результате проводимой длительное время денежно-кредитной политики действительно произошло очень серьезное охлаждение.

Налицо просто резкое сокращение кредитных организаций.

Падение рынка на 20% в некоторых регионах, по словам Артура Аршамовича, это еще скромные показатели.

В 2025 году, судя по первым двум месяцам, инвестиции снизились почти до нуля.

Это – отложенные риски.

Состояние нашей экономики должно было бы больше всего заботить финансовые власти.

Борьба с инфляцией через высокую ставку показывает фактически обратный эффект.

Она абсолютно неэффективна, абсолютно не дает результата.

Хотя бы через такой практический результат можно было бы сделать некоторые выводы.

О снижении инфляции с целью снижения экономической неопределенности. Об этом говорил Дмитрий Борисович.

Действительно, о каком снижении экономической неопределенности может сегодня идти речь?

Какой политикой, направленной якобы на снижение инфляции, мы добились снижения неопределенности?

Или хотя бы снижения самой инфляции?

Очень уместно Дмитрий Борисович привел в том числе и экономическую неопределенность, связанную с налоговой политикой.

Конечно, чем дальше будут проблемы у бюджета, тем больше будет давление на бизнес.

Например, вот одна из форм давления на бизнес.

Оказывается, теперь отменен трехлетний срок давности по спорам, связанным с государством.

По платежам за аренду земли и по ряду других проблем государство теперь может взыскивать долги более чем за 3 года.

10 лет назад вы не знали, что нужно платить арендную плату, в силу определенных обстоятельств.

Причем в ряде случаев – не по вашей вине или не только по вашей. Это могло быть связано с нюансами при заключении договоров, с изменением соответствующей структуры собственности, законодательства и так далее.

Теперь придется платить не за последние 3 года, а за весь период 10–15–20 лет. Вам «накрутят» соответствующие платежи, да еще включат астрономические штрафы за просрочку.

Таких штрафов ни в каких коммерческих договорах не существует. Это не 0,1% в день, а это десятки процентов и более.

Потому что нужно пополнять бюджет.

Краткосрочные цели или долгосрочные?

Действительно, политика по отношению к реализации долгосрочных и краткосрочных целей эклектична.

В одном случае увеличение денежной массы не имеет отношения к долгосрочным проблемам: это сегодня важно, сегодня нужно решить.

В другом – что это очень важно с точки зрения долгосрочных программ.

Поэтому невозможно допустить, чтобы был якобы перегрев экономики, который будет привлекать соответствующие средства в этот сегмент и соответствующее рефинансирование со стороны Центрального банка и других потенциальных государственных инвесторов.

Об этом тоже говорил Дмитрий Борисович.

О доступности кредита за последние годы.

Количество жалоб на доступность кредита выросло в 3 раза, и это не удивительно.

Эти показатели были приведены в докладе Дмитрия Борисовича. Это действительно серьезная проблема.

Вместо того, чтобы обеспечивать одну из важнейших своих функций по развитию доступного кредитования по низким процентам, Центральный банк добился того, что в последние годы наметился устойчивый тренд на сокращение кредитования.

В конце концов, конечно, будет охлаждение, которое граничит со смертью.

Образно говоря, одно дело – снижать температуру больному до среднего уровня, а другое – снижать ее до нулевой отметки, когда ему уже ничего не надо.

Этот риск имеет место.

Поэтому мы в Ассоциации составили широкий перечень обоснованных, аргументированных вопросов по денежно-кредитной и проинфляционной политике.

Эти вопросы мы выносим на съезд Ассоциации.

Приглашаю всех, кто желает, поучаствовать в нашем съезде онлайн или очно.

На съезде, как и в прошлом году, мы хотим поднять проблемы, которые активно обсуждаются и касаются не только банковской системы, но и экономики в целом.

Это будет обсуждение под нашим углом зрения и с учетом тех предложений, которые формулируются и от Ассоциации российских банков рассылаются в разные ведомства.

Некоторые ведомства откликаются, некоторые откликаются в своеобразной манере.

В завершение приведу один пример.

По поводу ограничения числа банков, допускаемых к госпрограммам, мы обращались в Минэкономразвития, мотивируя это тем, что нарушается действующее законодательство.

Мы остро поставили вопрос, почему вместо 60 банков, которые имеют право по заявленным параметрам участвовать в госпрограммах по финансированию ряда проектов, к ним допущено только 10–12 крупнейших банков и не допущены все остальные без всякого обоснования.

Минэкономразвития на протяжении полутора лет не дает никакого внятного ответа, не идет на встречи, на общение.

В конце концов мы обратились с жалобой в Федеральную антимонопольную службу, доказывая, что видим со стороны Минэкономразвития нарушение российского законодательства.

Антимонопольная служба с нами работает гораздо теснее, это гораздо более воспитанное и культурное ведомство.

Но, к сожалению, пока и здесь, кроме обещаний ФАС поговорить с министерством, мы ничего не добились.

Хотя налицо грубейшее нарушение антимонопольного законодательства.

Я, конечно, в какой-то мере понимаю антимонопольную службу, понимаю их деликатность к коллегам из параллельного ведомства.

А им вроде не очень удобно. Если бы это были претензии к бизнесу, тогда еще можно…

А мы предлагаем им принять меры к коллегам по госсистеме.

Но вообще говоря, антимонопольное законодательство не для того существует, чтобы там, где свои, где горизонтальные ведомства, проявлялась особая деликатность.

А там, где бизнес, там бы жестко накладывали санкции и штрафы.

Я привел только один пример.

Наверняка у каждого из вас найдется множество других примеров.

В целом хочу еще раз подчеркнуть.

Очень важно и ценно, что коллеги из разных ведомств, из академической сферы, из высшей школы, из РСПП, из бизнеса так объемно и так аргументированно, грамотно сформулировали проблемы состояния экономики

Наш бизнес, вообще наш народ настолько умеет выживать, даже в этих сложных условиях внешних санкций, непонятной внутренней денежно-кредитной политики, что это вызывает восхищение.

Конечно, в 2022 году ожидания были гораздо более пессимистичные. Тем не менее в этих условиях была обеспечена устойчивость.

В этом заслуга в том числе и Центрального банка. Он предпринял ряд весомых действий для обеспечения устойчивости.

В первую очередь эти действия выражались в том, что он свое «закручивание гаек» резко сократил.

Уже это мы восприняли, как великое благо.

Когда перестают мешать российскому бизнесу и банковской системе, когда хоть немного ослабляют «удавки», то система умудряется выживать.

У нас даже есть успехи, по крайней мере, они были в предыдущие 2023–2024 годы.

Будем надеяться, что 2025 год окажется не столь пессимистичным, когда инвестиции упадут до нуля, а кредитование сократится до минимума. Или когда будут кредитоваться либо только госпредприятия, либо предприятия с госучастием, либо имеющие отношение к ВПК.

Потому что бизнес должен развиваться, в том числе такой, каким занимается коллега Согомонян.

На все эти вопросы мы пробуем искать ответы на съездах, на наших Научно-консультативных советах.

Возможно, от нашего имени по этому комплексу вопросов имеет смысл написать письмо в адрес Правительства, в котором надо будет подчеркнуть, что мы считаем денежно-кредитную политику требующей коррекции, поскольку это совместная политика Правительства и Центрального банка. Особенно нужно отметить факторы, на которых наши докладчики сделали акценты.

Думаю, что сегодняшнее совещание дает нам довольно хорошую почву.

Если кто-то из докладчиков готов присоединиться к поиску соответствующих предложений и формулировок для властных структур, было бы очень уместно.

Мы сделали бы это сначала от нашего Отделения общественных наук, потом, может быть, попросили бы и Президиум Академии поддержать нашу версию.

В том числе – обосновать и логику обеспечения стабильности рубля, а не только повышения ключевой ставки.

На этом всех благодарю, в первую очередь докладчиков.

Всем большое спасибо.

Список литературы, опубликованной по итогам заседаний НКС ООН РАН, НИИ ДДиП и «Открытых дискуссий» президента АРБ

1. Анализируя сегодня, говорим и думаем о будущем (18.04.2020) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 175 с.

2. Предновогодние заседания: 2020, 2021 (31.12.2020, 31.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 206 с.

3. Ответственность пациентов и врачей. Уровень здравоохранения в России (03.04.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 124 с.

4. Конкурентоспособность российской науки: проблемы и решения (03.04.2021, 17.04.2021, 15.05.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 333 с.

5. О проекте «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года» (09.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2021. – 155 с.

6. О развитии конкуренции в сфере науки (30.10.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 130 с.

7. Социально-профессиональные проблемы прекаризации труда (18.12.2021) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 131 с.

8. Инвалидность и жизнь (12.02.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 106 с.

9. Новая экономическая реальность: региональный разрез. Российский рынок драгоценных металлов (21.04.2022, 15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 161 с.

10. 1. Санкции. 2. Перспективы экспорта российских нефти и газа в условиях санкционного давления. 3. Интернет-торговля: текущая ситуация и перспективы (11.06.2022, 25.06.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2022. – 242 с.

11. Демография России: тренды последних лет и краткосрочный прогноз (15.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 120 с.

12. Общее образование: проблемы и решения (29.10.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.

13. Китай: вчера, сегодня, завтра (19.11.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 189 с.

14. Одаренные дети. «Гадкие лебеди» братьев Стругацких как антиутопия кризиса образования: межпоколенческий дефолт (17.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 163 с.

15. 2022-й – «Особый». 2023-й риски и ожидания (31.12.2022) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 134 с.

16. Закат общества конкуренции и коллаборативное преимущество (21.01.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 128 с.

17. 1. Мировой океан: ресурсы и влияние на климат. 2. Безусловный базовый доход: шанс для России? (04.02.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 148 с.

18. Психологическое состояние российского общества (18.03.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 192 с.

19. О мозге (01.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 187 с.

20. Китай: открытая дискуссия. Социальный рейтинг в Китае (26.04.2023, 27.05.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 185 с.

21. Индия: вчера, сегодня, завтра. Взаимодействие России и Индии в условиях глубокой структурной трансформации российской экономики (29.04.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 152 с.

22. Денежно-кредитная политика и монетизация экономики (13.05.2023, 11.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 238 с.

23. Молодежь и мошенничество (31.05.2023) Теория поколений и модели мира (22.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 158 с.

24. Социальное неравенство (10.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2023. – 145 с.

25. Национальная сила: оценка и практическое применение. Гипотеза общественного прогресса: аргументы «за» и «против» (24.06.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 179 с.

26. Турция: вчера, сегодня, завтра (08.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.

27. Научное лидерство и человеческий капитал (22.07.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 150 с.

28. Цифровые валюты центральных банков (26.08.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 151 с.

29. Общество и государство (09.09.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 163 с.

30. Искусственный интеллект (14.10.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 182 с.

31. «Зеленая» экономика: принципы и проблемы (18.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 164 с.

32. Институт финансового омбудсмена, его роль в развитии общества (25.11.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 152 с.

33. 2023-й итоги. 2024-й перспективы (30.12.2023) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 136 с.

34. В.И. Вернадский и его наследие (20.01.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 175 с.

35. Генномодифицированные продукты: «за» и «против» (03.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 102 с.

36. Банки Китая: стратегия развития (03.02.24) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 90 с.

37. Проблема общечеловеческих ценностей, Причины ценностных противостояний в современном мире (17.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.

38. Искусственный интеллект в банковской сфере (29.02.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 121 с.

39. Малый и средний бизнес (02.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 172 с.

40. Мозговая активность в пожилом возрасте (паркинсон, альцгеймер, деменция) (06.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 162 с.

41. БРИКС. Платежные системы (20.04.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 173 с.

42. Цивилизация. Что это? (25.05.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 208 с.

43. Жилая недвижимость (27.07.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 166 с.

44. Общественный договор (07.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 186 с.

45. Банки и конкуренция: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (19.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2024. – 100 с.

46. Жизнь и смерть. Право на эвтаназию и суицид (21.09.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 221 с.

47. Наука и власть (5.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 206 с.

48. Борьба с кризисом и промышленная политика (19.10.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 178 с.

49. Философия в современном мире (16.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 218 с.

50. Конкуренция на финансовом рынке (30.11.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 133 с.

51. Роль институтов в развитии общества (14.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 211 с.

52. Инфляция у каждого своя: материалы «Открытой дискуссии президента АРБ» (17.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 108 с.

53. Завершился 2024 год. Что дальше? (31.12.2024) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 97 с.

54. Что такое Свобода? Свобода воли, свободы личности (15.02.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2025. – 210 с.

55. Цивилизационные основы России (часть 2): Качество жизни. Равноправие женщин и мужчин. Русское крестьянство (01.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.

56. Коррупция в Китае (22.03.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 143 с.

57. Религия и общество (05.04.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 164 с.

58. Многополярный мир: Россия, США, Китай, Индия, ЕС: влияние на него новой администрации США (31.05.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 167 с.

59. Производительность труда в России и мире (21.06.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 207 с.

60. Когнитивная безопасность (12.07.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 144 с.

61. Институты развития. Их роль в экономике (26.07.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 181 с.

62. Социальная структура и дифференциация российского общества (16.08.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 187 с.

63. Развитие энергетики (30.08.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 152 с.

64. Редактирование генома (25.10.2025) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 178 с.

65. Поведенческая экономика (24.01.2026) / под общ. ред. академика РАН Г.А. Тосуняна. – М.: ООО «Новые печатные технологии», 2026. – 182 с.

Электронные версии сборников
можно скачать по ссылке:

https://rannks.ru/

Российский бизнес: успехи и возможности

Материалы заседания
НКС ООН РАН и НИИ ДДиП
15 марта 2025 года

Презентации докладчиков
можно скачать по ссылке:

https://rannks.ru/pubs/

Подписано в печать 11.11.2026

Формат 60x90/16
Цифровая печать
Тираж 500 экз. Заказ № 101

Отпечатано в ООО «НОВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»
117525, г. Москва, ул. Днепропетровская, д. 3, корп. 5, пом.III

Научно-консультативный совет Отделения общественных наук РАН был создан в 2012 году как Совет по правовым, экономическим, социально-политическим и психологическим аспектам финансово-кредитной системы. В феврале 2020 года члены НКС приняли решение расширить компетенцию Совета, перейдя от рассмотрения вопросов развития финансового рынка к более широкому кругу проблем развития общества, поставив во главу угла своих исследований и дискуссий вопросы: в каком обществе мы живем? Какое общество мы хотели бы оставить своим потомкам в наследство?

Сопредседатели Совета: академики РАН А.А. Гусейнов, А.А. Кокошин и Г.А. Тосунян.

Ассоциация российских банков учреждена в марте 1991 года. Миссия Ассоциации российских банков — реализация программы банкизации страны, создание условий для эффективного функционирования, развития банковской системы России и обеспечения ее стабильности, защиты прав, интересов банков и условий для справедливой рыночной конкуренции; участие в построении национальной финансовой экосистемы, основанной на принципах соблюдения прав и реализации комплекса мер по повышению финансовой грамотности потребителей.

Национальный исследовательский институт Доверия, Достоинства и Права учрежден в конце 2019 года.

Цель института — многогранное изучение вопросов человеческой жизнедеятельности и общественных процессов, которые наибольшим образом влияют на развитие доверия в обществе, повышение чувства собственного достоинства у граждан страны и на формирование уважения друг к другу.

Институт приступил к работе в начале 2020 года в формате научных заседаний с коллегами, интересующимися проблемами доверия, достоинства, их правового обеспечения и стимулирования.